

Виталий Надыршин

СВЕТЛЕЙШИЙ

12+

Виталий Надыршин
Светлейший

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Надыршин В. А.

Светлейший / В. А. Надыршин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга не научный труд, где освещены строго документальные события середины XVIII века. Событий много, они бесконечной вереницей цепляются друг за друга, создавая огромный клубок порой совершенно непонятных на первый взгляд политических и личностных коллизий. Современному массовому, а особенно молодому, читателю, возможно, такая детализация событий и не нужна: утомительно, но знать хотя бы примерную последовательность развития российской государственности того времени нужно. Вопреки негативному отношению к России практически всех европейских государств, наша страна удивительным образом выстояла в то тревожное время, окрепла и во весь голос заявила о себе в Европе. Мало кто подозревал тогда, что вскоре произойдут некие события, которые всколыхнут Россию, дадут толчок к упадку одной империи и укреплению другой. Для девятнадцати миллионов россиян начнётся вереница исторических событий, способствовавших небывалому расцвету российской государственности...

© Надыршин В. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Введение. Три старика	6
Часть первая. Несостоявшийся митрополит	8
Смерть императрицы	8
Упрямый герцог	18
Разговор дипломатов	22
Фридрих II	27
Молодой капрал	33
Встреча друзей	37
«Чёрный кабинет»	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Аннотация

История любого события есть цепь случайностей.

История государства... тем более.

Эта книга не научный труд, где освещены строго документальные события середины XVIII века. Событий много, они бесконечной вереницей цепляются друг за друга, создавая огромный клубок порой совершенно непонятных на первый взгляд политических и личностных коллизий. Современному массовому, а особенно молодому читателю, возможно, такая детализация событий и не нужна: утомительно, но знать хотя бы примерную последовательность развития российской государственности того времени – нужно. Вопреки негативному отношению к России практически всех европейских государств, наша страна удивительным образом выстояла в то тревожное время, окрепла и во весь голос заявила о себе в Европе. И сделали это подданные российского престола, о некоторых из них автор и попытался поведать в своём литературном труде.

Середина XVIII века.

В самом центре Европы гремят сражения Семилетней войны: коалиция стран, самая большая и мощная из которых – Россия – воюет против армии короля Фридриха II. Русские войска вошли в прусский Берлин, Кольберг, Кёнигсберг. Пруссия на грани окончательного поражения, её король в отчаянии. Но судьба ещё может оказаться благосклонна к нему.

Здоровье непримиримой противницы Фридриха, императрицы Елизаветы Петровны, сильно пошатнулось. Российский престол должен унаследовать её племянник, родственник шведского короля Карла XII – Карл Фридрих Голштейн-Готторпский, он же великий князь Пётр Фёдорович.

Ещё не основаны города Севастополь, Одесса, Николаев и Херсон. Крымское ханство находится под протекторатом турецкого султана, а татары, как и в прежние века, опустошают набегами южные территории Российской империи, продавая захваченных в плен русских людей на рынках Кафы¹ и Стамбула.

Мало кто подозревал тогда, что вскоре произойдут некие события, которые всколыхнут Россию, дадут толчок к упадку одной империи и укреплению другой.

Для девятнадцати миллионов россиян начнётся вереница исторических событий, способствовавших небывалому расцвету российской государственности.

А пока вся Европа замерла в ожидании грядущих событий. Итак...

Светлейший

«Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими... У него были смелый ум, смелая душа, смелое сердце...»

Екатерина II.

¹ Современная Феодосия (Крым).

Введение. Три старика

Декабрь 1761 год. Санкт-Петербург.

...Однажды в зимний, морозный вечер, на удивление тихий и безветренный, несмотря на поздний час, сквозь ставни старого, но ещё весьма добротного дома в центре столицы, пробивались слабые полоски света. В большой и богато обставленной комнате за круглым столом сидели три старика. За их спинами тускло горели свечи, высвечивая печальные лики на образах и зловещие тени на стенах. Не менее зловеще в полумраке выглядели изрытые глубокими морщинами и сами лица стариков.

Крытый белой скатертью стол был заставлен разными изысканными блюдами, картину застолья дополняли два уже не полных графина с красным и белым вином.

Удобно устроившись на высоких с подлокотниками стульях, прихлёбывая вино, старики говорили мало, ели без аппетита. Как это бывает с пожилыми людьми, они порою забывали недавнее, но зато великолепно помнили самые мелкие детали далёкого прошлого. С выражением грустной умиротворённости и покоя старики подолгу сидели молча.

Лишь изредка кто-нибудь из них негромко произносил несколько слов и, не дожидаясь ответа, устало взмахивал рукой. Его тень на стене при этом начинала двигаться, кривляться, как бы приглашая подружек к общению, но они, как и их хозяева, оставались неподвижными. И в комнате опять нависала тишина, прерываемая только потрескиванием свечного воска.

– Плохо быть старым! – наконец, нарушив долгую тишину, задумчиво произнёс один из стариков. – Мы, господа, словно ослабевшие от старости деревья в лесу. Надломившись стволами, вот-вот с треском и грохотом упадём и оставим после себя памятниками расщепленные пни. Пройдут годы, стволы истлеют, пни сгниют, взрастёт молодая поросль, и ничто уже не напомнит, как на этом месте когда-то росли большие крепкие деревья. Так и с нами, господа. Кто вспомнит о нас?.. Молодёжь... Не думаю. Другая жизнь вокруг!

Старик поднял руку (тень тут же запрыгала по стене), указывая куда-то наверх, и назидательно закончил: – Наверху, куда уйдем, не будет домов, церквей, реки... Не будет яркого солнца, дождя, зимой снега... Ничего не будет! Не страшно, господа?

– Эк куда загнул... С треском, грохотом... Размечтался!.. Сумлеваюсь я в грохоте... Греметь-то нечем ужо. Другое обидно: там, где вскоре окажемся, табачок не понюхаешь, вкусно, с отрыжкой не поешь. Не придётся пруссака бить и шведов всяких, с дипломатами иноземцев на кулачки идти да спорить до хрипоты, интересы страны отстаивая, – ворчливо поддержал коллегу второй старик. Помолчав, добавил: – Ох, ох, ох...

– Зато комаров, этих аспидов, не будет, – язвительно прошамкал третий.

– Что комары? Дались они тебе. Зеркала забудут наше отражение, плен невидим. Молчу ужо про знакомых наших, – раздраженно произнёс второй старик.

– Знакомые – что?.. Куды они денутся? У всех один путь. Встретимся на том свете, поговорим. А вот потомки должны нас запомнить по делам нашим. Кряхтя, медленно, но с колен Рассеюшка поднимается, и мы немало в этом поусердствовали, – пробурчал третий старик. Затем, помолчав, добавил: – Деревья, говорите, в лесу?.. Пни, и те сгниют?.. Так ведь ямки останутся. В них, глядишь, влага собираться будет. А там птичка попьёт, животные да грибочки тоже влагу любят, всё людям польза будет.

– Скажешь тоже «ямки»! Забыл нешто, как мы с императором нашим Петром Алексеевичем вона каналов сколько нарыли. Петербург отстроили!.. Сколько баталий выиграла... Гнус, наводнения, голод – всё нипочём было... – едва слышно, печально молвил второй старик. – И дочь его, матушка-государыня Лизавета Петровна, тоже, вона сколько наделала, Фридриху рога-то пообломала. Не скоро Пруссия на ноги встанет. Берлин, Кенигсберг поди, наши будут теперича.

– Молодые шибко были, крепкие, – мечтательно произнёс первый старик. – Ушло наше время, молодь подрастает. Лизавета Петровна тож уходит в мир иной, мир неизведанный. Не сегодня-завтра предстанет она пред Богом. Как жаль! Красивая была матушка-государыня! Я ведь, господа, ей ручку когда-то целовал, – на глазах старика блеснули слёзы. Он не спеша промокнул их салфеткой и с горечью продолжил:

– Кто взойдёт на престол? Племянник её Пётр Фёдорович? Аль кто другой? Чай, французы, пруссаки, турки, татары крымские, поляки, да мало ли их, врагов Руси, ждут перемен в свою пользу...

– Как-то Россия дальше жить будет? Кто заменит нас, верных слуг престола? – уже совсем тихо прошептал третий старик. – Кто?.. – требовательно добавил он.

– Не бойсь, найдутся! – неожиданно твёрдым и совсем не стариковским голосом произнёс второй. – Велика Россия, кто-то обязательно найдётся. Мы их наверняка ещё не знаем.

– А хотелось бы хоть одним глазком узреть их лица. Кто они?.. – мечтательно прошамкал третий старик.

Тени на стенах шевелились, пламя медленно тускнело, свечи догорали...

Часть первая. Несостоявшийся митрополит

Смерть императрицы

События, которые происходили в Санкт-Петербурге в морозный четверг 24 декабря² 1761 года, шли своим чередом. В преддверии Рождества Христова народ бездельничал, жевал сочиво³ и, как мог терпел последние часы, соблюдая пост.

Однако странным было это навечерие⁴. . . Не слышно было шумного веселья, такого обычного в русских традициях, не гремели фейерверки, на улицах столицы не раздавался залихватский звон бубенцов празднично разукрашенных экипажей. Что-то парило в этой предночной тишине. . . тревожное, необъяснимое.

Вокруг города с утра бушевала вьюга. Без устали гоняла она падающие снежинки, сбивая их в сугробы перед порогами домов. Потом со злостью, словно передумав, раскидывала их и намётывала сугробы на другие места. И так целый день. . .

Дувший со стороны Невы ледяной ветер стих только к вечеру. С неба посыпались крупные хлопья снега, скрывая пропущенные вьюгой голые участки земли. Однако через пару часов снегопад прекратился.

Между тем вид города был красив: вдоль припорошенной снегом набережной – кирпичные дома с черными смолеными сваями затейливой архитектуры, со слуховыми окнами на высоких крышах; за ними, совсем недалеко, – бедные лачуги, крытые дёрном и берестой. Дальше за домами – топь да лес. И всё это создавало иллюзию гармонии, ставило всё на свои места: здесь – богатые, а там – бедные.

Фасады некоторых домов были украшены в честь наступающего 1762 года, с которым связывалось так много надежд. На присыпанных снегом улицах нарядно одетые люди обменивались при встрече вымученными улыбками, изредка слышался смех игравшей в снежки молодёжи. . .

Время позднее, прохожих на улицах становилось всё меньше, люди торопились по домам.

Наступала зимняя рождественская ночь: столица и окрестности затихли в преддверии светлого праздника.

На Ночной дороге⁵, ведущей к Невскому монастырю и Большой Луговой улице, слышались глухой цокот копыт конной гвардии и окрики командиров пеших отрядов. Тусклые отблески масляных фонарей (подрядчики, как всегда, экономили на масле) да свет от факелов в руках солдат освещали улицы. Войска заполняли столицу.

«Зачем? – удивлялись про себя прохожие. – Чудит матушка-государыня, дай Бог ей поправиться!», – и спешили по домам – холодно.

Окна Тронного и практически всех остальных парадных залов дворца освещены; перед центральным входом со стороны Невской перспективы и угла Мойки горят небольшие костры, возле которых греются солдаты и кучера расфранчённых карет, вереницей растянувшихся вдоль анфилады дворцовых залов. Изредка к кострам подходят погреться конногвардейцы дворцового караула, не пропускавшие гостей без особого разрешения на территорию царского дворца.

² Здесь и далее даты даются по старому стилю.

³ Размоченные зёрна.

⁴ Сочельник.

⁵ Невский проспект (совр.).

А кареты всё прибывали... Знатные вельможи и иностранные дипломаты хотели попроситься с умирающей императрицей, а если говорить точнее, – засвидетельствовать своё почтение наследнику, будущему императору. Кстати, заодно узнать его имя, слухи-то разные по столице ходили.

Заслышав топот коней прибывающей очередной кареты, ещё не успевшие согреться караульные бежали к ней и, сверившись со списком, лихо отдавали честь, поднимая шлагбаум.

Среди караульных конногвардейцев выделялся один: высокий, выше своих, тоже не маленьких товарищей, этот симпатичный гигант держал при себе утверждённый канцлером Воронцовым список гостей. Своим зычным да ещё простуженным на холоде голосом он давал команду на поднятие шлагбаума. И со стороны было весьма заметно, что сия миссия гвардейцу по душе.

Он подолгу рассматривал салоны роскошных карет, пристально, до подозрительности вглядывался в лица пассажиров, затем подносил зажжённый факел к циркуляру и, не торопясь, так же долго выискивал нужную фамилию. Коль таковая значилась, нехотя отдавал честь, кривился, словно у него вдруг заболели зубы, и с заметным неудовольствием разрешал господам проезжать дале. Зато если фамилия в заветном списке не значилась, гигант уже с плохо скрываемой радостью лихо отдавал честь и простуженным басом просил приезжих поворачивать оглобли обратно. Конечно гости начинали ругаться, доказывать своё право, а некоторые и денюжки пытались всучить служивому, но караульный был непреклонен. Правда, одному иностранному дипломату, не отмеченному в списке, пришлось сперва назваться, а потом все же его пропустили: шибко настойчивым оказался.

– Паразит, – на всякий случай пробормотал караульный и с завистью посмотрел вслед нахальному иностранцу.

Ярко освещённые окна царского дворца притягивали, манили караульного к себе, но язвительный и решительный внутренний голос развеял его мечты: «Ишь чего захотел?! Нет в списках тебя, касатик, нет и не будет, поди прочь. Твоё место на улице».

Стук колес нового экипажа отвлек караульного. Он вздохнул и, придерживая рукой палаш, с важностью распахнул дверцу кареты.

Под ворохом атласных одеял, отороченных белыми кружевами, края которых спускались до самого пола, на широкой кровати бессильно распласталось когда-то стройное и привлекательное, большое, грузное тело российской императрицы. Елизавета Петровна умирала.

Раньше здоровье царственной особы поддерживал лейб-медик Пуассонье, но год назад он уехал обратно во Францию, а старания нынешних придворных эскулапов положительных результатов не приносили.

Утонувшее в подушках лицо государыни, обрамлённое ночным чепцом, усилиями придворного аптекаря не выглядело удручающе, как бывает у умирающих. Слабый румянец всё же проглядывал на её щеках, и она нет-нет да и доставала из-под подушки небольшое зеркальце. Глядя в него, Елизавета тяжело и грустно вздыхала. Но в последние часы столичная модница, не надевавшая никогда одно и то же вечернее платье дважды, зеркалом уже не пользовалась. Её мало интересовал собственный облик, и огромный гардероб из почти пятнадцати тысяч нарядов напрасно ждал свою хозяйку: время младшей дочери Петра I безвозвратно ушло.

Был двенадцатый час ночи. В прилегающих к спальне залах, удобно устроившись на мягких диванах, тихо переговариваясь и зевая, манерно прикрывая рты платочками, расположились приближённые государыни и представители иностранных держав. Те, кому мест на диванах и креслах не хватило, важно фланировали по роскошным залам.

Богатая отделка потолков, золотом расписанные стены, множество картин в позолоченных деревянных рамах, бронзовые канделябры и прочие милые дорогие вещички (баснословной стоимости!) иностранцев просто поражали. Некоторые дипломаты, не успевшие привыкнуть к русской роскоши, с особым восхищением разглядывали огромные поля цветного

паркета из повторяющихся квадратов. В углу каждого из этих квадратов находились лучи, составляющие звёзды, и весь этот много раз повторяющийся узор на большом берёзовом фоне был обрамлён фризом, имевшим вид кирпичей, две стороны которых были разного цвета. Даже в отсутствие солнечного света отблеск от многочисленных свечей создавал на паркете некоторую объёмность, и иностранцы инстинктивно, словно боясь споткнуться, шаркали по полу, чем ещё днём ранее вызывали усмешку у местных сановников. Однако сегодня было не до насмешек...

От большого количества людей огромные залы стали тесными и напоминали о роскошных балах, которые так любила устраивать Елизавета. Соблюдая положенный в таких случаях этикет, многочисленные гости разговаривали между собой мало, тихо, почти шёпотом. Все понимали: заканчивается эпоха двадцатилетнего правления Елизаветы Петровны, история России теперь будет писаться новым почерком, возможно, отличным от привычного. Каким он будет?.. И все с тревогой поглядывали на дверь спальни, ожидая... Впрочем, ждали пока одного: чтобы скорее наступил конец их ночному бдению. Все устали.

В полутёмных покоях императрицы находились только близкие ей люди: племянник и наследник трона, великий князь Пётр Фёдорович с супругой, великой княжной Екатериной Алексеевной, и сыном Павлом; Панин Никита Иванович, воспитатель мальчика; Иван Иванович Шувалов, фаворит императрицы, теперь уже генерал-адъютант и член конференции⁶, да генерал-фельдмаршал Никита Трубецкой.

Несмотря на свой возраст, фельдмаршал преданно, до угодливости, старался услужить наследнику. Это было смешно и неприятно. С осторожностью кошки неся на своих маленьких ножках толстое туловище, он по просьбе Петра Фёдоровича часто куда-то выходил и подолгу отсутствовал. Возвратясь, также долго о чём-то шептался с ним и с той же угодливостью взирал на будущего императора.

Несколько раз в покои заглядывала служанка Екатерины Алексеевны Мария⁷. Приоткрыв дверь, она безмолвно глядела на хозяйку и, убедившись, что той по-прежнему ничего не надо, исчезала.

Из глубокого кресла, стоявшего в самом дальнем углу спальни, послышался раздражённый шёпот воспитателя кронпринца: Никита Иванович уговаривал семилетнего Павла идти спать. Наконец уговорил. Однако на предложение поцеловать на прощание царственную тётушку мальчик закапризничал, со злостью дёрнул Панина за одну из косичек его модного парика и наотрез отказался от поцелуя. Отец капризника, в юности и сам изводивший собственного наставника, к воспитателю своего отпрыска относился прохладно, замечания сыну делать не стал, лишь недовольно посмотрел на Панина. Мать, Екатерина Алексеевна, обмахиваясь веером, о чём-то задумалась и на бестактный поступок своего ребёнка вовсе не отреагировала.

Никита Иванович поправил свой дорогой парик, искоса посмотрел в сторону Петра Фёдоровича, которого за солдафонство тоже не шибко жаловал, и, слегка подталкивая мальчишку к выходу, покинул покои.

Пробило двенадцать. Наступило Рождество! Не сговариваясь, мужчины достали из кармашков часы. Мучительно потянулось время наступившего года. В спальне было душно, не хватало воздуха. Все устали, всем хотелось спать.

Государыня тяжело дышала, она лежала с полузакрытыми глазами и, как казалось, строго, но в то же время чуть насмешливо разглядывала присутствующих. Вошедший лекарь в оче-

⁶ Государственный совет.

⁷ Перекусихина Мария Саввишна, впоследствии камер-юнгфрау императрицы Екатерины II, её доверенная близкая подруга и личная прислуга.

редной раз вытер пот со лба умирающей, грудь её с трудом приподнялась, и она опять издала слабый стон.

Неожиданно государыня широко открыла глаза. Ненадолго останавливая свой взгляд на каждом присутствующем, она осмотрела спальню. Глядя на племянника, попыталась усмехнуться, но усмешки не получилось, лишь дрогнули уголки губ. Взгляд остановился на Шувалове, императрица поманила его к себе:

– А где князь Воронцов, Ваня? Нешто не пришёл попрощаться и напослед поговорить со мной?

– Болеет канцлер, матушка, шибко болеет.

– Не судьба, значит, – вздохнув, прошептала Елизавета. – Что ж, свидимся на том свете, там и поговорим. Возьми, Ваня, шкатулку, поди знаешь, что внутри, а что надо сделать, сам потом реши.

Затем дрожащей от слабости рукой протянула ему ключ и махнула в сторону кованного серебром, покрытого перламутром сундука:

– В шкатулке ещё и письмо лежит, зачитай его, Ваня, Сенату, когда помру.

В полной тишине шёпот умирающей услышали все присутствующие. Взгляды устремились на наследника. Пётр Фёдорович вздрогнул. Лицо его побледнело.

Иван Иванович встал на колени, взял ключ, поцеловал руку императрицы и заплакал. Своим коленом бывший фаворит придавил лежащие на полу края одеял, и они стали медленно сползать с государыни.

– Экий ты неловкий, Ваня. Поздно меня раздевать-то. Прошло наше с тобой время... прошло, касатик.

Слеза скатилась по щеке Елизаветы.

Она положила свою руку на голову бывшего возлюбленного.

– Ужо похороните меня в новом платье. Надеть так и не успела... Проследи, батюшка, – добавила она.

Тяжёлый вздох вырвался из её груди, и Елизавета Петровна тоже заплакала. На глаза присутствующих навернулись слёзы.

Обмахиваясь веером, Екатерина Алексеевна устало вглядывалась в лицо Елизаветы Петровны. Разные мысли роились в её голове.

«Не секрет, что в последнее время тётушка отдалила от себя племянника, – размышляла она. – А ещё раньше проговорила в сердцах Бутурлину⁸: «Хоть он и сын моей старшей сестры Анны, царство ей небесное, да, видать, в отца пошёл – дураком оказался. Не любит Россию. Один Фридрих и Пруссия в голове. И по мужской части хворый. Пока не заставила дурня операцию сделать, жена в девках столько лет ходила. Виданное ли дело? Ещё и пьёт окаянный. Может, зря я его по молодости своим наследником назначила...» Услышав это, граф, видимо, рассудив, заметил: «Один Бог ведает, кто будет на российском троне в дальнейшем...»

Теперь Екатерина со страхом вспомнила эти слова. «Тётушка могла в последний момент изменить завещание и вместо мужа, Петра, другого на престол назначить. Не я ли одна из причин? Аль вспомнила государыня дело Бестужева? Маловероятно... Сколько лет прошло ужо... простила она тогда меня».

О канцлере тех лет, графе Бестужева-Рюмине, Екатерине думать вовсе не хотелось. Бывший канцлер вызывал у неё странное и по большей части неприятное чувство. И фальшивое угодническое выражение лица, и рот с гнилыми зубами... А смех... смех сатаны. Ещё и заикается, чёрт старый. Всегда хотелось держаться от него подальше.

Однако граф блистал образованностью, был опытен в европейской политике. Нет слов, предан России. Как царедворец, он никому не доверял, никого не любил, в совершенстве вла-

⁸ Граф Александр Борисович Бутурлин (1694-1767), друг молодости императрицы Елизаветы Петровны.

дел искусством интриги. На многих сановников собирал досье, куда складывал записи их преступлений и перехваченные письма. Бестужев и взятки-то брал не как все: своим врагам повода не давал, брал только со своих и союзников, зато помногу. Бестужев был мастером грязных дел. «На то она и политика», – часто говаривал он, вздыхая и горестно разводя руками.

Екатерина отвела взгляд от умирающей императрицы и вздохнула.

Но всякий плут рано или поздно попадает на своих проделках. Попался и граф Алексей Петрович Бестужев. И не на взятках!

...Года три назад здоровье императрицы пошатнулось. Елизавета Петровна болела все чаще. На престол должен был вступить её наследник, великий князь Петр Федорович, поклонник прусского короля Фридриха II, а значит – лютей враг Бестужева. Канцлер вел антипрусскую политику, поддерживал Австрию. Бестужев затеял в то время сложную интригу в пользу сына и жены наследника... Тем более делать это было не трудно, супруга Павла – Екатерина, и сама явно претендовала на эту роль. Канцлеру оставалось лишь направить её в нужном направлении.

Екатерина вспомнила разговор с Бестужевым незадолго до его ареста.

– Ваше высочество, государыня сильно болеет, вот-вот помрёт, власть перейдёт к вашему супругу. Я хочу, чтобы вы имели равные с ним права.

Бестужев хитро взглянул на Екатерину, желая увидеть реакцию на свои слова. Однако Екатерина умела скрывать свои чувства, она никак не отреагировала в ответ на это предложение: на лице великой княгини не дрогнул ни один мускул, она молчала. Канцлер вздохнул и продолжил:

– Попозже мы отстраним вашего мужа от власти, а вас с сыном провозгласим государыней российской. Надо послать весточку командующему Апраксину, он должен знать, что вы согласны на этот план. Екатерина насторожено посмотрела на канцлера.

– Без него никак... Я его с войсками уже своей депешей вызвал в столицу. Мало ли что... Княгиня продолжала недоверчиво глядеть на графа.

Бестужев поспешил добавить:

– Дабы не было смуты в народе, всю власть мы отдадим Верховному совету. Вы же, ваше высочество, сможете преспокойно наслаждаться утехами светской жизни.

– А вам-то какой интерес, граф? И что значит «устранить моего законного супруга»?

– Мой интерес, ваше высочество?! Пост первого министра, который я занимаю сейчас, меня вполне устроит. А с вашим мужем мы решим, что делать. Думаю, он сам откажется от престола в вашу пользу и в пользу Верховного совета.

Екатерина Алексеевна недоверчиво посмотрела на канцлера. С трудом, но всё же он убедил тогда её участвовать в своих интригах. Екатерина снова вздохнула и прикрыла глаза.

...Февраль 1758 года, глубоко за полночь. В покоях Екатерины холодно, её бьёт нервная дрожь. Заговор раскрыт. Императрица знает о её письмах Апраксину и Бестужеву. Апраксин смещён с должности командующего войсками, Бестужев арестован. Правда, старый лис успел уничтожить документы, в том числе и письма Екатерины. У следствия не было письменных доказательств измены, лишь одни подозрения и устные наветы недругов. Елизавета поручила следствие графу Шувалову-старшему, графу Бутурлину и князю Трубецкому. Бестужев приговорён к смерти, но Елизавета, помня его заслуги, заменила казнь ссылкой.

Екатерина вздрогнула. Видно, очередь дошла и до неё. Вот-вот могут вызвать на допрос. Нехотя открыла «Энциклопедию»⁹, стала листать страницы. Текст расплывался, сливаясь в одну серую безликую картинку. С раздражением закрыла увесистый фолиант. Встала с кресла. Тревога нарастала. Накинув на плечи шаль, Екатерина Алексеевна принялась расхаживать по комнате, нервно бормоча:

⁹ Пособие, содержащее обозрение наук или дисциплин.

– Со всеми не договоришься. Что будет со мной? Отправят обратно домой, в Штеттин? Или... Нет, не дай Бог!

Она усилием воли отогнала от себя мрачные мысли.

– Боже, какая я дура!.. Зачем... зачем я писала эти проклятые письма?! Словесно надо было высказываться... Представляю, как Пётр будет рад. Что делать? Спаси меня может только встреча с императрицей. Господи... это невозможно, она откажет в аудиенции, тем более, сейчас. Но завтра будет поздно... Нервный озноб не прекращался. В отчаянии Екатерина остановилась. Её взгляд наткнулся на канделябр с горящими свечами: мелкие лучики света сливались в единый поток, будто маня Екатерину в свои огнедышащие недра. Языки пламени, словно щупальца, потянулись к её лицу. Страшно... Екатерина закрыла лицо руками. Помощи ждать неоткуда. Она скорее задохнётся... Мысль пришла внезапно. Великая княгиня решилась.

Позвонив в колокольчик, она немедленно легла на пол, приняв позу потерявшего сознание человека. Подол ночной рубашки заломился, обнажив стройные ножки. Екатерина немного прикрыла их, накинув шаль. Затем повернулась набок лицом к двери, подложила под себя левую руку, правую вытянула вперёд. Лицо её болезненно сморщилось.

Чуть погодя, княгиня приподняла голову и огляделась, представив себя со стороны: чего-то не хватало. Недолго думая, она дотянулась до туалетного столика, взяла стакан с водой и опрокинула его недалеко от себя.

«Мокрое пятно – лучшее свидетельство неожиданного обморока. Детали Марья потом нафантазирует», – решила Екатерина.

Раздались торопливые шаги, дверь открылась. Прислуга испуганно склонилась над хозяйкой и уже было собралась запричитать, но не успела.

– Помогите встать, – слабым голосом прошептала Екатерина.

Дав себя уложить в кровать, она тем же слабым дрожащим голосом произнесла:

– Плохо мне, Мария. Зови духовника государыни, исповедоваться хочу.

Протопресвитер Петропавловского собора и настоятель Благовещенского собора в Москве отец Фёдор, пользовался большим влиянием при дворе. Елизавета Петровна всецело доверяла своему духовнику, и Екатерина знала об этом.

Тихим голосом, прерываемым кашлем и хрипами, она с трудом произнесла:

– Не доживу до утра, батюшка. Доложите государыне, видеть её желаю в последний раз, попрощаться хочу.

Выступивший на лбу пот, бледное лицо и, главное, хрипы из груди Екатерины убедили перепуганного священника. Пожилой протоиерей в середине ночи заспешил к государыне

Дело было сделано. Екатерина встала, отряхнула подол, затем подняла с пола стакан. Подошла к зеркалу. Откуда-то из мрачной глубины зазеркалья на нее, подсвеченный красноватыми отблесками огня, будто бы смотрел, ухмыляясь, супруг. Он грозил ей узловатым пальцем. Нервы княгини не выдержали, она размахнулась и со всей силы швырнула в него стакан. Видение исчезло. Осколки стекла разлетелись в разные стороны, один из них впился в левую руку, выступила кровь. Странно, но стало намного легче. Великая княгиня рассмеялась...

...Екатерина очнулась. Кто-то довольно бесцеремонно тряс её за плечо. Она открыла глаза. Перед ней стоял Пётр.

– Что это вы, ваше высочество, смеётесь? Смешно вам, я гляжу, – с сарказмом произнёс супруг. – Не думаю, что у вас скоро будет повод для этого.

Екатерина Алексеевна никак не отреагировала на слова мужа: звон разбитого стекла ещё звучал в ее ушах. Машинально посмотрела на свою левую руку. Встала, оправила платье и вышла.

Соседние залы были освещены ярче, воздух в них был чище, не так утомительно ощущалась печальная атмосфера.

Екатерина вздохнула полной грудью.

На супругу наследника никто не обращал внимания: кто-то медленно ходил взад-вперёд по залам, перекидываясь редкими фразами, кто-то просто дремал на диванах, а кто обеспокоенно поглядывал на закрытые двери спальни умирающей, устало обмахиваясь веером. Стоял лёгкий гул, какой бывает при большом скоплении старавшихся не шуметь людей. Екатерина с удовольствием стала прохаживаться вдоль больших дворцовых окон. Занятая своими мыслями, она не заметила, как рядом с ней оказалась служанка:

– Как ты, Катенька? Сколько часов не спишь уже. Может, вздремнёшь хоть чуток?

– Сна нет, откуда ему быть? Я тут, Мария, всё о том скандале размышляю, о Бестужеве, пропади он пропадом. Одни неприятности от него были. В ссылке сидит в своём селе Горетово. Думала, не простит меня благодетельница, ан нет, обошлось. Вовремя я тогда встретила с государыней. Ой как вовремя. Ты, Мария, помнишь ту ночь?

– Помню, Катенька. Припадок случился с тобой, напугала ты меня.

Екатерина хитро взглянула на девушку и усмехнулась:

– Простила меня, дуру, Елизавета Петровна. Отец Фёдор помог. На Благовещение заутреню отстояла в соборе, Казанской иконе Божией Матери поклонилась... – и, не в силах успокоиться, продолжила: – Всё уговаривал меня канцлер против мужа маво, а сам ранее нашёптывал государыне про принцессу Саксонскую Марианну, что, мол, за неё надо отдавать Петра. Обо мне он тогда и слышать не хотел, каналья. – Так ведь слава Богу, чем-то не понравилась Марианна матушке-государыне. Матушка наша тебя, Катя, выбрала.

– Вот то-то ж! А почему? Наверное, лучшего хотелось государыне для единственного племянника, да потом поздно стало: Марианна замуж совсем рано, в четырнадцать лет за короля Неаполя и Сицилии вышла. Тогда тётушка меня и выбрала. Господи, сколько лет прошло, а всё помнится...

В думах о прошлом обе женщины замолчали.

– Ты иди, Мария, поспи, – наконец, произнесла великая княгиня, – ночь на дворе. Даст Бог, государыня поправится...

Екатерина оглядела зал. Мысленно опять представила себя Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской, вспомнила свою взбалмошную мать, которая надоела императрице своими причитаниями и нравоучениями, скромный родовой замок в Штеттине, не всегда сытые дни и, отгоняя от себя это наваждение, слегка передёрнула плечиками. Неожиданно она также представила, что по залам вместо неё ходит Марианна, и... вздрогнула.

– Чёрт старый, тот Бестужев, – тихо прошептала она, оглядываясь по сторонам: не слышал ли кто?..

Нет, все погружены в свои мысли. С одним из братьев Шуваловых, опять же, канцлер всё враждовал. Каждый из них доказывал государыне, кого поддерживать надобно. Бестужев держал сторону австрийцев, Шувалов-старший склонялся к французам. Бестужева теперь нет, а Шуваловы, случись что, если не явно против меня будут, то во всяком случае и не за меня. В одном младшенький из братьев Ваня, нынешний фаворит государыни, хорош – не корыстолюбив и не вор. Титул графа и имение предлагала государыня – отказался. Редкое качество в наше время.

Откуда-то подул сквозняк. Впереди себя великая княгиня увидела датчанина Шумахера и англичанина Кейта. Дипломаты открыли дверь на веранду, намереваясь выйти наружу. Оба церемонно поклонились ей.

Екатерина слегка кивнула в ответ и не смогла сдержать лёгкую ухмылку: больно комичную пару они составляли. Один, англичанин, – симпатичный, высокий, с правильными тонкими чертами лица, но худой, второй, датчанин, – полная противоположность, коротышка с коренастой фигурой и, как все северные люди, с грубыми чертами на широком скуластом лице.

Это немного развлекло княгиню.

И всё-таки тревога не покидала Екатерину, более того, усиливалась, и она продолжала размышлять: «Теперь про какую-то шкатулку и письмо вела матушка разговор с Шуваловым. Господи... что в письме? Не зря, видать, канцлер Воронцов войска на ночь в город вывел, не зря. Ох, когда же эта мука закончится? Ужо бы отошла императрица спокойно в мир иной...»

Резко развернувшись, Екатерина Алексеевна вернулась к умирающей императрице. От горящих свечей в спальне стало жарко и душно. Окна не открывали: боялись сквозняков. Екатерина расположилась в кресле, раскрыла веер, но передумала обмахиваться и отложила в сторону. Усталость напомнила о себе, она закрыла глаза. Вспомнилась недавняя мимолётная встреча с князем Михаилом Дашковым. Молодой капитан лейб-гвардии Измайловского полка пылко уверял её, что офицеры гвардейских полков готовы встать на её защиту.

– Князь, нешто меня надо защищать?

– Думаю, скоро нужно будет, матушка, – смущаясь, ответил Дашков.

Екатерина не подала виду, что ей известно о недовольствах её супругом в армии и о светских кулуарных беседах молодой жены князя в её пользу, она удивлённо взглянула на офицера и тоже смутилась. «Матушкой» её назвали впервые, и она не знала, хорошо это или плохо. Положив руку на плечо князя, тихим голосом произнесла:

– Спасибо тебе, князь. Иди с Богом! Всё в его руках! Поклон мой передай супруге своей, Катеньке. Пуцай чаще в гости захаживает.

Екатерина Алексеевна открыла глаза. На сердце было тревожно.

Отворилась внутренняя дверь. С зажжёнными свечами вошли слуги. С застывшими, словно вылепленными из воска лицами они медленно двигались по спальне, привычно меняя сгоревшие свечи; с подсвечника одного из них на пол падали капли расплавленного воска. Екатерина заметила эту оплошность, но промолчала.

«Все устали...» – подумала она.

Воспользовавшись присутствием слуг, Шувалов, бережно прижимая к себе шкатулку, вышел из спальни через боковую дверь. За графом тут же последовал и Пётр Фёдорович. Екатерина со страхом посмотрела обоим вслед, сердцем чувствуя, что решается и её судьба. Ей даже показалось, что Елизавета тоже проводила мужчин взглядом и её губы попытались изобразить ухмылку. Или показалось?..

Великий князь и фаворит молча шли по полуосвещённым коридорам дворца. Пётр Фёдорович был бледен, Шувалов – хмур.

Шли долго. Но вот показались двери личных покоев наследника. Великий князь остановился и преградил путь Шувалову. Бледное лицо наследника покрылось капельками пота, губы его дрожали и что-то бессвязно бормотали. Широко раскрытые, лихорадочно блестящие, будто бы больные глаза выражали неподдельный страх и в то же время заискивающе, как-то умоляюще, по-собачьи, смотрели на фаворита. Вот-вот, и он, наследник престола, встанет перед ним на колени.

Иван Иванович растерялся. Нервный пот, трясущиеся губы, неподдельный страх в глазах возможного императора всея Руси его напугали, напугали последствиями.

«А как Пётр Фёдорович императором станет?.. Ведь потом не простит он мне эту минуту своей слабости... Не простит! В то же время наследника понять можно: шестнадцать лет он мечтал о троне и ждал. А тут... на тебе – загадочное письмо. Любого не то что пот прошибёт, а и дар речи отнимется. Вон как его колотит!»

Громкое невнятное бормотание наследника отвлекло Шувалова от раздумий. Разобраться в этом странном наборе фраз было крайне трудно. Речь наследника российского престола и ранее не отличалась чистотой русского языка и внятным произношением, а сейчас была вообще малопонятна.

Ещё крепче прижимая к себе шкатулку, Шувалов, делая вид, что не понимает, с недоумением смотрел на Петра Фёдоровича. Последний вытащил платок, вытер пот со лба, немного

успокоился и, заикаясь от волнения, тщательно подбирая слова, медленно, почти по слогам произнёс:

– Иван Иванович, предлагаю вместе открыть шкатулку и прочитать письмо. Давайте это сделаем в моих покоях.

Шувалов хотел возразить, но жест великого князя был красноречив: он рукой показал на свою дверь. В хрупкой фигуре наследника фаворит вдруг почувствовал угрозу и понял, что прочитать послание Елизаветы в одиночестве ему не удастся. Он настороженно посмотрел по сторонам: коридоры безлюдны. Шувалов обречённо вздохнул:

– Но, ваше высочество, как же... – однако договорить не успел. Наследник престола открыл дверь и слегка подтолкнул бывшего фаворита в залу.

В гостиной возле камина копошился старый слуга, разгребая кочергой прогоревшие головёшки. При виде своего господина старик, нисколько не смущаясь присутствием постороннего, на своём родном языке, немецком, буркнул:

– Ухожу, мой господин, только дровишек подброшу.

Привычная обстановка, тепло от камина, да и присутствие старого слуги окончательно успокоили Петра Фёдоровича.

– Сырых дров, Томас, не подбрасывай, коптят, – тоже по-немецки произнёс Пётр Фёдорович.

Через минуту слуга покинул гостиную. С неожиданной для своего хрупкого тела силой великий князь пододвинул тяжёлое кресло ближе к камину и любезно предложил Шувалову расположиться в нем. С такой же сноровкой он придвинул и второе кресло. Оба одновременно сели. Шкатулка стояла на коленях Шувалова.

Оба молчали.

«А что, если императрица изменила свою волю в отношении племянника? Тогда кто? Екатерина? Отпадает. Малолетний сын Павел? Тогда Панин возвысится. Где моё место будет?.. Нет, не годится сия диспозиция», – думал Шувалов.

Великий князь тоже напряжённо размышлял, стараясь отогнать от себя страшные мысли, руки его немного подрагивали. Он заискивающе смотрел на Шувалова. Вид наследника вызвал у последнего неприятное ощущение. Оба продолжали молчать.

Дрова в камине разгорались, пламя становилось всё ярче, жар усилился. Наконец Шувалов поднялся. Встал и наследник.

Ключ легко вошёл в прорезь, замок мягко щёлкнул, и крышка шкатулки открылась. Блеснули драгоценности: их было много. Сбоку, у самой стенки, лежало письмо. Шувалов осторожно взял его в руки. Отнеся конверт подальше от глаз, наливаясь натугой, прочитал: «Сенату. Прочитать при полном сборе. Сим есть воля моя».

Руки наследника при слове «сенат» непроизвольно дёрнулись в направлении письма. Он опять побледнел. Предательски блеснули капельки пота. Шувалов усмехнулся.

Опытный придворный, Иван Иванович уже принял решение. Он мягко отвёл от письма руку Петра Фёдоровича, посмотрел ему в глаза и тихо произнёс:

– Ваше высочество, не будем вмешиваться в судьбу России. Всё должно идти своим чередом. Не было никакого письма. Ошиблась Елизавета Петровна. Запоматовала матушка.

Плавным неторопливым движением он поднёс руку с письмом к камину, снова взглянул на наследника. Тот, как замороженный, следил за действиями тёткиного фаворита. Взгляд Петра был устремлён на конверт. Шувалов закрыл глаза.

– Прости меня, матушка. Впервые просьбу твою не могу исполнить, – прошептал он и разжал пальцы.

Письмо императрицы полетело в камин. В потоке горячего воздуха оно на мгновение как бы зависло в пространстве. Рука Шувалова дёрнулась, словно в самую последнюю секунду он

захотел спасти волю императрицы... и не успел. Края письма потемнели, бумага выгнулась, и сквозь неё вспыхнуло пламя. Шувалов горько усмехнулся.

– Драгоценности сдам в казну, – тихо произнёс он.

Смущённый наследник, ещё не вполне сознавая значение поступка фаворита, но понявший, что угрозы со стороны тётушки уже не предвидится, медленно растягивая слова, ответил:

– Да, так будет лучше. Спасибо тебе, Иван Иванович.

Смущался, правда, Пётр Фёдорович не долго. Через минуту повеселевшим голосом добавил:

– Однако надо возвращаться к тётушке.

Восторг его был настолько искренним и неподдельным, что в какое-то мгновение он странно, не то дерзко, не то робко, хихикнул.

Насвистывая одному ему известный мотив какого-то шведского марша, напоминающего весёлое время его детства, Карл Петер Голштейн-Готторпский уверенной походкой покинул гостиную залу.

Шувалов с грустью посмотрел ему вслед. Перед глазами возник образ умирающей Елизаветы. Её губы растянулись в саркастической улыбке, она грозила ему пальчиком и выговаривала:

– Ой, зря ты, Ваня, сжёг письмо, зря, касатик. И от титула графа, и от десяти тыщ душ, что ранее я предлагала тебе, тоже зря отказался... Кто теперь о тебе позаботится?..

Неподалёку от чёрного входа в личные покои умирающей императрицы стоял старый слуга Петра Фёдоровича, Томас. Как и хозяин, он был встревожен из-за упорных слухов, ходивших по дворцу. Кухня всегда все знает... А слухи были разные, и касались они судьбы его господина. В кулуарах поговаривали, а слуга это слышал, наверное, что императрица изменила завещание: малолетнего сына своего племянника, Павла, на престол записала, а его мать, Екатерину Алексеевну, регентшей до совершеннолетия дитёнка назначила.

«А ну как это правда?! А что с хозяином моим, куда его? – размышлял старик. – На родину, как и отца, отправят? А со мною тогда что будет на старости?» От долгого стояния на ногах ныли коленки.

– Подагра, куда денешься?! – прошептал старик и, оглядевшись по сторонам, в нарушение правил уселся на стул.

Вытянув уставшие ноги, он почувствовал некоторое облегчение. От удовольствия даже закрыл глаза, но чувство тревоги не проходило. В голову полезли разные мысли: «Когда почил в бозе мой первый хозяин, герцог Готторпский, я вместе с его сыном вернулся в Россию. Спокойные года, сытые, много не вспомнишь и не расскажешь. День за днём, день за днём, ничего интересного... Но и напастей особых не было. А вот раньше...»

Тут старик встрепенулся. Совсем неожиданно в памяти всплыл случайно подслушанный в молодости разговор. Губы Томаса растянулись в беззубой улыбке, а на морщинистое лицо будто легла благодать, какая снисходит на стариков при воспоминании о своих молодых годах.

Тогда он не придал значения разговору герцога с министром своего двора Бассевицем. О, мой Бог! Сорок лет! Как давно это было. Если он и вспоминал тот разговор, то никому не пересказывал. И правильно: у господ свои разговоры. Но сегодня особый случай – решалась судьба хозяина, а следовательно, и его, Томаса, будущее. Не грех и вспомнить...

Упрямый герцог

1721 год, Штральзунд. Швеция.

...Лестница в зале, устланная красным ковром, изящной дугой поднималась вверх. С потолка свисала люстра с подвесками из натурального хрусталя. В солнечных лучах оплывшие свечи с чёрными кругами нагара отражались в гранях подвесок, создавая иллюзию несчётного множества. Усиливало эту иллюзию высокое напольное зеркало, пускавшее на стены разноцветных зайчиков. Вошедшие в зал двое слуг от восхищения открыли рты.

– Смотри, Томас, как играет хрусталь, – прошептал седовласый слуга своему молодому напарнику. – Это я люстру вешал. Чуть не убили, помню. Главная морока с ней, когда чистишь подвески. Ты молодой, и тебе скоро предстоит этим заниматься. А я стар уже для такого дела. Пойди-ка приберись наверху.

Томас с ведром и шваброй в одной руке и со свечой в другой поднялся по лестнице, ведущей к верхним полутёмным комнатам.

Сперва он вошёл в небольшую комнатку и огляделся, поправил штору на окне, невольно задержал взгляд на внутреннем дворе, безлюдном и затихшем под уже низким свинцовым небом. В комнатке стало совсем темно. Томас зажёл свечу. Затем повернулся, собираясь протереть крышку большого сундука и вымыть пол, когда за стеной комнаты, именуемой кабинетом герцога, вдруг раздался раздражённый голос хозяина. Слуга в растерянности остановился посреди комнаты. Время уборки...

– Нет, граф, ехать в Россию, к русским, мне, Карлу Фридриху Голштейн-Готторпскому... увольте. Брр... При Клишове погиб мой отец. Русские вместе с поляками и саксонцами одолел тогда нашего генерала Марденфельда. Сколько лет прошло, но вы, надеюсь, помните об этом? (его отец погиб в 1702 г. в битве при Клишове, наши там по основным версиям не причём, так что данный кусок переиграйте).

– Помню, ваше высочество, – этот густой, вкрадчивый голос министра двора графа Басевица был уже знаком Томасу. – Только русские-то здесь причём?.. Не было их там, ваше высочество. Но ваш отец в том бою пал смертью героя, это верно.

– Вот-вот, – не обращая внимания на слова графа, – патетически воскликнул герцог. – И после этого, да ещё в результате подлых интриг соседей, моя семья потеряла Шлезвиг и свой родовой замок Готторп. А вы предлагаете мне ехать в Петербург...

Пламя свечи в руке заметалось, будто от сквозняка. Томас замер, сжимая швабру. Мысль об отъезде с привычного места в огромную незнакомую страну тревожила, но и завораживала одновременно.

Донеслись звуки шагов по скрипящему полу. Видимо, это сам герцог нервно расхаживал по комнате. Томас представил его узкое, несколько продолговатое лицо с небольшим пушком над верхней губой, вечно выражавшее недовольство и раздражение. Затем скрип прекратился, а через мгновение Томас различил шорох и стук деревянных ножек мебели. Видимо, бросив недовольный взгляд на своего министра, герцог остановился и с тем же раздражением плюхнулся в кресло:

– И это всё, что вы мне можете предложить, Басевиц?!

– Ваше высочество, но женитьба на дочери русского царя – единственный шанс вернуть потерянное. Царь Питер тоже не возражает против сватовства. Не зря же он настаивал на признании вас преемником на шведский престол. ?Это даже в мирном договоре, подписанном в Ништадте, отмечено. Король Швеции тоже надеется на ваше благоразумие. Швеция устала от войны с Россией. Ваш брак с русской принцессой укрепит отношения между государствами. Вы, как родственник королей Швеции, законно можете претендовать на руку царевны Анны. А там, глядишь, ваши дети получат право наследовать русский престол.

Было слышно, как герцог в отчаянии взмахнул руками и вскочил с кресла. Он словно хотел куда-то выбежать, что-то решить, но неожиданно замер, будто наткнулся на препятствие, преодолеть которое был уже не в силах.

– Избавиться король от меня хочет, граф, избавиться, разве не понятно? Да и что толку от этого брака, если Дания уже захватила Шлезвиг?..

А министр двора его высочества граф Геннинг Бассевиц тяжело, шумно вздохнул и произнёс бархатистым нарочито усталым голосом:

– Повторяю, ваше высочество, ваша тётушка, Ульрика Элеонора, лишила вас возможности занять шведский престол, вы это прекрасно знаете, а Россия набирает силу. Русский царь не вечен. Конечно, полной гарантии, что его старшая дочь после смерти батюшки сможет занять российский престол, нет, но шанс есть, уверяю вас, ваше высочество. Во всяком случае, не нам им пренебрегать.

«Мягко стелет...» – пронеслось в голове Томаса.

– Со временем обстоятельства могут благоприятно сложиться для вас или ваших детей. В конце концов вы, как супруг российской императрицы, уговорите жену пригрозить своим обидчикам, а если надо, и объявить Дании войну, и, конечно, вернёте себе Шлезвиг. А может быть, и не только его... Россия – мощная страна. Не отказывайтесь, ваше высочество, будьте благоразумны.

Карл Фридрих ни разу не перебил его и, кажется, задумался. После захвата Данией его родового поместья герцог с семьёй вынужден был переехать в Швецию под крыло своего дяди Карла XII. Молодой шведский король благосклонно принял их, но положение бедных родственников не очень устраивало амбициозного герцога. Придворные короля смотрели на него с усмешкой, а некоторые даже с презрением, это верно. А уж после смерти дяди и последовавших козней тётушки и её мужа, отобравших у него право на корону, положение Карла Фридриха стало невыносимым.

Герцог шумно вздохнул.

– Лет-то сколько ей и красива ли? – обречённо спросил он.

– Тринадцать, ваше высочество, – голос министра стал более деловитым и настойчивым. – Анна Петровна лицом во многом схожа со своим августейшим родителем. Однако черты её более мягкие, нежные. А фигура уже хороша, но станет ещё совершеннее. Красавица, одним словом.

– Рост? – отрывисто спросил герцог.

– Пока около пяти английских футов, господин.

После упоминания о росте Томас про себя прикинул: сколько это? Затем мысленно представил герцога рядом с тринадцатилетней царевной – тот был совсем не намного выше её. «Так она же ещё растёт...»

Признаться, ничего царственного не было в наружности герцога: хилое слабое тело, узкие плечи, вдавленная грудь, лицо с некрасивыми чертами, вечно страдальческое, плоское, будничное, с выражением постоянного недовольства. По виду племянник короля Швеции не отличался и крепким здоровьем; к тому же, как шептались другие слуги, пристрастился к выпивке.

Бассевиц помолчал, видимо, давая возможность хозяину свыкнуться с неизбежностью.

– И потом, ваше высочество! – министр придавал своему голосу ещё больше трагичности и, наверное, к тому же нагнулся в почтительно-просительной позе. – Заключённый в прошлом году мир шведов с датчанами, думаю, похоронил надежду на скорое возвращение ваших фамильных владений. У вас нет другого выхода. Надо соглашаться, ваше высочество!

Как видно, исчерпав доводы, голос стих. Повисло тяжёлое молчание.

Наконец Карл Фридрих с обидой в голосе произнёс:

– Вот до чего довела меня моя тётушка! – затем патетически воскликнул: – Я, наследник шведского престола, вынужден свататься к русской принцессе. Щи и каши, студни, мясо с огурцами и солёными лимонами – вот что меня ждёт! О мой Бог!..

«Когда хозяин раздражён, мне здесь лучше не торчать!» – сообразил Томас. Выскользнув из комнаты и бесшумно прикрыв дверь, он стал тихо спускаться по лестнице.

– ...А ещё, ваше высочество, фленбургские устрицы, утиные ножки в кислом соусе... Вы же их любите. Орехи, яблоки, лимбургский сыр, – вещал граф. – И всё это под превосходное красное французское вино... Не так уж и дурно, ваше высочество. Решайтесь! – услышал Томас вдогонку.

Карл Фридрих затравленно оглянулся на своего министра и выбежал из кабинета. Спустившись по лестнице вниз, он, не обращая внимания на копошившихся в гостиной слуг, неожиданно замер: в глаз попал солнечный зайчик. Герцог взглянул на сверкающую люстру, затем перевёл взгляд на своё отражение в зеркале, усмехнулся и, махнув рукой, удручённо громко произнёс:

– Что делать, граф? Придётся ехать в эту варварскую страну. Давайте, Бассевиц, начинайте хлопотать, – и уже было направился в сторону двери. Но, взявшись за ручку, он вдруг остановился и спросил у слуги: – Как зовут?

– Томас, ваше высочество!

– Вот что, Томас, начинай учить язык варваров, русский, вместе туда поедем, – с язвительной иронией произнёс герцог и, громко хлопнув дверью, удалился из зала.

Министр же устало, но с явным облегчением, словно освобожденный от тяжёлого груза, выдохнул. Было видно, что он своего добился.

Граф аккуратно прикрыл половинки дверей кабинета, замурлыкал модный мотивчик и начал медленно спускаться по лестнице...

– Вот и солнышко опять вышло! Слышал, Томас? – довольным голосом произнёс он. – Собирайся, малый...

Не поднимая глаз, Томас скривился.

Ему было страшно срываться с места и ехать в какую-то дикую Россию, да с хозяином не поспоришь...

...Хлопоты по сватовству герцога затянулись надолго. За это время умер отец невесты, Пётр I, и бракосочетание свершилось только в мае 1725 года. Императрица Екатерина I настояла на включении своего зятя, Карла Фридриха, во вновь созданный Верховный тайный совет. Вчерашний «бедный родственник» и его министр граф Геннинг Бассевиц в России стали пользоваться большим влиянием. Томас был счастлив.

Поначалу всё складывалось удачно для зятя русской императрицы. Екатерина I благоволила к своим дочерям, Анне и Елизавете. Наверное, присматривалась к мужу старшей дочери и всё решала, какая из дочерей достойна престола.

Но судьба распорядилась по-своему. Императрица вдруг заболела и вскоре умерла. Власть в России почти полностью перешла в руки князя Меншикова, у которого были свои дети и свои планы на престол.

В июле 1727 года герцог Голштинский вместе с супругой Анной Петровной вынужден был покинуть Россию. С молодой женой он вернулся в Киль, где в феврале следующего года Анна Петровна умерла, родив сына Карла Петера Ульриха. У Томаса тогда родились двое своих детей, и он смог удачно устроить жену кормилицей для сына хозяина.

С самых ранних лет старый хозяин готовил сына к неизбежной войне с датчанами. Через одиннадцать лет он умер. Мечта объявить войну Дании и вернуть свои владения не осуществилась. Пока...

Карл Петер едва сводил концы с концами. Но судьба всё же улыбнулась сироте. Родная тётя молодого герцога, младшая сестра матери, Елизавета Петровна Романова, с помощью

гвардии в 1741 году неожиданно взошла на российский престол и чуть погода забрала племянника к себе, назначив его своим преемником. Томас вместе с уже новым хозяином снова переехал в Санкт-Петербург. Через три года императрица женила семнадцатилетнего наследника на шестнадцатилетней немецкой принцессе Ангальт-Цербстской. Помнится, звали её смешно – Фике.

– Дождался ли хозяин?.. – прошептал постаревший слуга. – Как-то теперь всё сложится? О мой Бог, помоги моему господину!

Затишье в парадном зале его насторожило. Он потёр колени, размял икры и, пошатнувшись на затёкших ногах, кряхтя, встал. Слегка приволакивая ноги, подошёл к двери спальни, открыл её: вид довольного, едва сдерживающего улыбку хозяина его успокоил. Улыбнувшись в пол, Томас бесшумно закрыл дверь.

Разговор дипломатов

На веранде одного из залов дворца в шубах, наброшенных на плечи, находились двое: британский посланник Роберт Кейт и его коллега, датский дипломат Андриас Шумахер. Прикрываясь от редких снежинок, датчанин раскуривал трубку, набитую крепким голландским кнастером, и на его крупном с грубыми чертами лице сквозило явное недовольство.

– Проклятая страна, проклятый народ! Водка, кровь и грязь. Только не пойму, чего больше, – пробормотал он. Раскурив трубку, буркнул: – Кажется, грязи. Как считаете, господин Кейт? Британец удивлённо взглянул на коллегу, пожал плечами, и не ответил.

– Наш король, – в сердцах продолжил датчанин, – ещё сто лет назад о русских послах сказал: «Ежели они снова будут приезжать ко мне, построю для них свиной хлев, ибо где они постоят, там полгода жить никто не может от смрада». Сдаётся мне, что прав был король. Тьфу... – и выпустил густую струю дыма. Затем откашлялся и добавил: – Русские живут хуже язычников: исповедуют законы любви к ближнему и творят жестокости; постятся и во время поста скотски пьянствуют. Недаром в 1620 году Иоанн Ботвид, шведский богослов, защищал в Упсальской академии диссертацию на тему «А христиане ли московиты?»

Англичанин замахал руками, отгоняя от себя дым, и, не скрывая недовольства, громко произнёс:

– Что за манера у вас, Андриас, дымить прямо в рожу собеседнику?

Причём произнёс он эту фразу на сносном русском языке и нарочно сделал на слове «рожа» ударение, акцентируя явную бестактность в поведении коллеги.

Всегда подтянутый, выбритый до синевы, спокойный рассудительный тон посланника выдавали в нём истинно английского аристократа. Что, однако, не мешало Кейту порой резко и достаточно грубо отчитывать своего коллегу Шумахера за грубые шутки, и не только в свой адрес. Шумахер не обижался.

– А по поводу нечистоплотности русских, вы сгущаете краски, коллега. Не думаю, что ваш король и сейчас-то моется часто, не говоря о его подданных. А русская парная баня – вещь известная... И потом, Андриас, кровь, пот, грязь в России... когда это было? Сколько лет прошло. Царь Пётр многое перенял от нас, европейцев, и это надо признать. Боюсь, вскоре русские Европу перещеголяют кое в чём...

Видите, какие дома на топях и болотах в Санкт-Петербурге понастроили, а флот на Балтике какой?! И пьянство им не мешает. Заметьте, Андриас, полстраны проклинали тогда императора Петра. Но славянское упрямство и страх русских перед помазанником божьим поражают. Не такая уж и плохая у русских вера, надо заметить. Не каждая страна может похвастать такими успехами. Далеко не каждая.

И Елизавета немало сделала для России. Не всё, конечно, но не забывайте, Андриас, та Европа, которую силой и плётками вводил император Пётр, – ещё не вся Европа. У настоящей Европы, той, что мы с вами знаем, есть некая тайна, которая возвышает её в этом мире и делает сильной. И эту тайну русские пока не распознали, а без неё, мой друг, со всеми приобретёнными у нас науками и прочим поменялось лишь то, что вместо старого московского варварства Пётр вбил новое чванливое петербургское хамство. Разве не так?

– М-да... Уж больно высокопарно выражаетесь, господин Кейт. Однако, с вами вынужден согласиться. Да и нельзя не согласиться, что это тоже огромный скачок для варварской страны с её распрямами внутри и войнами снаружи. На что в России ни взгляни, всё имеет Петра начало, он во всём обновил или, точнее, вновь родил Россию. И что бы впредь ни делалось, от сего источника русские черпать будут.

Дипломаты не сговариваясь, посмотрели друг на друга. И Кейт продолжил:

– Такими темпами да с такими просторами, какими владеют эти, как вы, Андриас, постоянно говорите, варвары, а нужна ли им наша тайна? Больше скажу: а сможет ли Европа удержать в узде этого монстра, который, кряхтя, с трудом, но уже поднимается из грязи? И что будет с нами, когда Россия встанет во весь рост? А, господин датский посол?!

Шумахер пожал плечами и вздохнул.

– Ответ очень простой, Роберт. Надо не дать этому медведю подняться, пусть так и стоит на полусогнутых ногах. И исподтишка бить его сзади палками, бить наотмашь... Медведь, естественно, будет рычать и защищаться, а мы будем стращать Европу русской свирепостью. Бред, конечно! Но ведь поверят, коль с молоком матери вбивать европейцам эту мысль о кровожадности России.

– Хм... А нашу, европейскую, жестокость куда девать? Пожалуй, она пострашней будет. Но в любом случае интересное у вас, господин Шумахер, предложение. Дубиной по голове?!.. Хм... Успокаивает одно: не нам с вами внедрять сие предложение. И слава Богу!

Понимающе кивнув друг другу, дипломаты с облегчением вздохнули.

Кейт глянул вниз на замёрзших солдат и с чувством некоторой жалости продолжил начатый разговор:

– А вот жестокость под сенью веры христианской, пьянство во время поста – варварство, здесь я с вами могу согласиться, Андриас. Правда, надо отдать должное русской императрице: пьяных по улицам, болтающихся вне праздников, что-то не узрел я.

Торчащая во рту флегматичного датчанина трубка медленно кочевала от одного края рта к другому, попыхивая, словно труба самовара, дымком. Наконец, прилипнув у левого края, замерла. Выпуская перед собой очередную порцию дыма, Шумахер задумчиво проговорил:

– Да это я так, сгоряча. Пока сегодня пробирался по этим топям, пока трижды вытаскивали мою карету из грязи, натерпелся. От мужиков немывтым телом несёт, чесноком... Брр...

Как опытный дипломат, да и просто, как человек хорошо изучивший быт и нрав Петербургского общества, Кейт знал, что пройдёт время и этот датчанин своё мнение о русских изменит так же, как изменил его и он сам. Поэтому своего коллегу англичанин слушал рассеянно.

– Конечно, – продолжил Шумахер, – несколько странные эти русские. Я провёл здесь слишком мало времени, но и этого хватило, чтобы определить характеры первых членов Двора и здешнего высшего общества. Большая пышность и небольшая нравственность, кажется, распространены среди вельмож; лесть и раболепство характеризуют средний слой общества, самоуверенность и гордость – высший. Их увеселения, убранство домов, которые я успел посетить, и количество прислуги имеют вполне азиатский характер. И, что весьма странно, хотя может быть и естественно, несмотря на то, что они во всем подражают нам – европейцам, не имеют ни в нравах, ни в характере ничего собственного. Я говорю это о высшем обществе, – уточнил Шумахер. – Иностранец появляясь между ними бывает худо принят. Нонсенс?!.. Ведь многие из них осевшие здесь представители Европы.

Кейт согласно покачал головой.

– Ну в этом-то я могу русское общество понять и как-то оправдать. В надежде загрести лёгкие деньги далеко не лучшие представители других государств едут сюда. Скажу больше – негодяи, болтуны и аферисты. Не все конечно... Мне порой бывает стыдно за наших соплеменников.

Словно тоже стыдясь за европейцев, Шумахер извиняющейся интонацией произнёс: – Сказать по правде лично сам я не могу пожаловаться на невнимание русских к моей персоне, со мною они обошлись как нельзя любезно. Кейт усмехнулся и буркнул: – Ну вот видите, Роберт...

Оба посла замолчали

– Ладно, Бог с ними, господин Кейт, – после непродолжительной паузы произнёс датский посол. – Говорят, болеет канцлер Воронцов, а глядите, Роберт, сколько солдат перед дворцом

нагнал. В самом городе тоже войск хватает, кабаки все закрыты. Я когда приехал сюда, меня перед шлагбаумом остановили, и один из караульных, этакий двухметровый детина, как-то слишком долго и подозрительно смотрел на меня. Я отругал его и спросил имя. «Григорий Потёмкин!» – ответил он. Приказано, говорит, пропускать только людей, обозначенных в циркуляре, и зырь в документ, а меня там нету. Я – скандал... Обошлось... пропустили, конечно, но сами понимаете, неприятно. Я этого наглеца запомнил, второй раз подобное ему уже не прощу. Говорю же, дикий народ. И всё же для чего столько военных? Видно, граф Воронцов боится, что императрица завещание могла изменить. Мало ли что...

– Всё может быть, слухи разные ходят, и о новом завещании в том числе. Якобы трон Елизавета передаёт малолетнему Павлу, а регентшей на время несовершеннолетия назначает его мать, великую княгиню Екатерину Алексеевну, – пробурчал Кейт. – Но я не верю. Меня французский посол барон Брейтель убеждал, что Елизавета страстно любит своего племянника, как-никак, потомок Петра I, и обязательно возведёт его на престол. Тем более, племянничек выражает своей супруге недоверие касательно своего отцовства в рождении сына Павла.

– Всё-то вы, англичане, знаете: стоит только пукнуть, а вы уже депешу в Лондон строчите, что, мол, у русских горох некачественный. Скоро своего союзника Фридриха в этом деле обгоните, тоже большого любителя шпионить. Откуда знаете про новое завещание? Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» шепнул? И сколько взял за эти слухи, а?.. По-моему, враньё всё это, про новое завещание. По поводу сына Петра Фёдоровича спорить не буду, а насчёт его матери... я сомневаюсь. Не думаю, что Елизавета захочет Екатерину назначить регентшей при Павле. Нет, не думаю. Много лет все усилия её были направлены на сохранение российского престола за Романовыми, а нам с вами известно, не грех и вспомнить, Роберт, крещёная в честь своих трёх тёток немецкая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, наша маленькая Фике, в православии – Екатерина, не относится к этой фамилии. Шумахер задумался.

– Да... поди пойми этих варваров, – неуверенно продолжил он, – с них всё может стать. Глядишь, слухи обретут реальность, и Екатерина с Павлом на престол взойдут. Бред, конечно, но какая-то логика тут есть. Пётр Фёдорович явно отстаёт от жены: она умнее его и старается быть русской. Великая княгиня сносно освоила русский, а если разговаривает с иностранцами, то на французском, а не на своём родном, немецком, и делает это только потому, что хочет заставить русский народ забыть, что она немка. Разве не похвально для венценосной особы? К тому же мало употребляет вина, ест умеренно, встаёт рано – полная противоположность своему мужу.

Шумахер огляделся по сторонам и почти шёпотом произнёс:

– Секретарь французского посла сказывал мне, будто великий князь, наследник русского престола, тайно принял чин полковника прусской армии. Каково?.. Верх пренебрежения и безразличия к русскому народу, каким бы он ни был. Интересно, императрица об этом знала?

– Про глупость своего племянника?.. Знала, наверное. Может, и меры приняла. Ну, а насчёт супруги Петра Фёдоровича мнения разные, господин Шумахер. Как и сплетни, от кого Екатерина сына родила. Павел похож на своего отца, законного супруга Екатерины Алексеевны, и этим всё сказано. О другом надо думать... о другом... Брейтель ещё сказывал, что при новом императоре Екатерина не будет иметь большого влияния, как бы ни старалась. Он видит в ней «молодую авантюристку», которая долго не выдержит политических бурь, и советует обратить внимание на фаворитку Петра Фёдоровича, графиню Елизавету Воронцову.

– Блефует француз... блефует. Только дурак, глядя на графиню, может разглядеть в ней задатки умной женщины. У Петра вообще странный вкус: Воронцова далека от идеала красавицы, внешностью и манерами смахивает на трактирную прислугу. Но француз тревожится не зря, знает: Пётр Фёдорович боготворит короля Пруссии Фридриха, что опасно для Франции. Подобное, кстати, и меня беспокоит, – дипломат тяжело вздохнул.

– Хм... не только вас, Андриас. Тяжело будет и австрийцам. Вон, ихний посол граф Флоремунд хмурый в одиночку бродит по залам. Я пытался с ним заговорить, но он ни в какую. Понимает, что прошлогодний договор между Россией и Австрией новый император может расторгнуть. Кстати, Андриас, отец Петра Фёдоровича, герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский, пока был жив, всё мечтал Дании войну объявить и вернуть свои поместья – Шлезвиг. Как поступит его сын, нетрудно догадаться. Так что опасения ваши по поводу Петра мне понятны.

А насчёт редактора газеты вы зря: денег он не просил, что слышал, то и шепнул мне.

– Да пусть шепчет. Работа у него такая. А по поводу Шлезвига... Есть, конечно, опасения на этот счёт, милорд. Но очень надеюсь, не до родовых поместий Голштейнов будет России. Пусть сначала с Пруссией до конца разберутся: русские войска в Берлине, последнее усилие – и...

– Вот-вот. Пруссия на грани капитуляции. Остался один шаг, и восточная её часть окончательно перейдёт к России. Собственно, русские там уже освоились и вряд ли отдадут её Фридриху обратно. По крайней мере, надо быть полным идиотом, чтобы сделать это. Но нам, как и вам, никак нельзя допустить сию аннексию. Расширение границ России может плохо для нас закончиться, об этом только что вспоминали. Да перестаньте же дымить в мою сторону, Андриас, – вторично в сердцах произнёс англичанин.

Датчанин вновь не обратил никакого внимания на недовольство Кейта. Англичанин поморщился, помолчал и продолжил:

– Что будет дальше, неизвестно. С наследником Елизаветы всё ясно, но ведь ещё непонятно, как поведёт себя и возможная регентша Екатерина. Её отец состоял на службе у Фридриха, а её мать – «на посылках» у того же Фридриха. Так чего же ждать от их дочери, если она займёт русский престол? Фридрих, как никто, заинтересован в дружбе с Россией и сам в своё время принимал живейшее участие в выборе невесты для племянника Елизаветы – Карла Фридриха. Король даже письмо отправил Елизавете Петровне с самой лестной характеристикой на свою протезе. Думаю, Екатерина должна помнить это и быть благодарна Фридриху.

Датский посол усмехнулся, неторопливо выбил трубку, запахнул шубу и произнёс:

– Кто знает... это же Россия, здесь свои законы. Тем более, опять женщина: пойми их логику. М-да... – тяжело вздохнул датчанин. – Как я понимаю, Европа с нетерпением ждёт имя нового императора России. Брр... холодно.

Пора идти вовнутрь, да и перекусить не грех, а то неизвестно, сколько ждать ещё.

Только ближе к четырём пополудни двери спальни распахнулись. Одетый в официальный мундир, унизанный золотыми нашивками, со звездой на груди и голубой лентой под кафтаном на правах старейшего сенатора Никита Юрьевич Трубецкой объявил томившимся в зале вельможам и дипломатам:

– Её императорское величество государыня императрица Елизавета Петровна сегодня, 25 декабря 1761 года от Рождества Христова, изволила почтить в бозе, и государствует теперь его величество император Пётр III.

Наступила тишина, и только слившийся в один звук печальный вздох всех присутствующих лёгким шлейфом зашелестел над головами. Но печальный шлейф шелестел недолго, вздох облегчения вырвался произвольно почти у каждого посетителя. Что поделаешь?.. Люди устали.

Иностранные дипломаты спешно покинули дворец. И слова, произнесённые князем Трубецким, понеслись в мир.

Уже к вечеру по улицам Санкт-Петербурга помчались кареты. Европа ждала известий.

Близкий друг нового императора генерал-адъютант Гудович по личному распоряжению нового самодержца направился к прусскому королю Фридриху II. Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, Пётр III, спешил известить своего кумира о вступлении на престол и предложить Пруссии мирный договор.

Фридрих II

Снег укрыл белым покрывалом старинный город Бреславль¹⁰. Январский день 1762 года подходил к концу, и сказочная снежная белизна стала сереть.

Было сумеречно, но ещё не настолько, чтобы не разглядеть запорошенный снегом небольшой замок, временное пристанище прусского короля. Замок не спеша погружался в таинственную темноту ночи, окна его тускло чернели. Стояла звенящая морозная тишина.

Холодно было и внутри сумрачного замка. Зажигать свечи немногочисленные слуги не спешили: для этого есть строго отведённое время. Камин тоже не разжигали: король экономил и лично следил за расходом и дров, и свечей, как, впрочем, и за всем остальным тоже.

Его величество часто брал пример с отца. Дабы видели его подданные, он иногда вёл аскетический образ жизни: спал на железной кровати, питался без особых изысков и отвергал пышность праздников. Как и отец, любил он табаку понюхать, оттого одежда его дурно пахла, камзол и кафтан потрепались и давно требовали замены.

«Зачем лишние траты?» – говорил он своему окружению. С возрастом король забывался и королевская экономия превращалась в скупость, граничащую с элементарной жадностью, но приближённые и слуги к этому привыкли и не жаловались.

Наконец, окна замка одно за другим стали освещаться желтоватым светом: степенно обходя залы, слуги зажигали свечи. В кабинете короля запылал камин. Потрескивая, огонь осветил средних размеров комнату и её хозяина, короля Пруссии Фридриха II.

Об этом государе надо рассказать подробнее. Как-никак, именно он, Фридрих Великий, или Карл Фридрих II, безусловно, преследуя свои цели, помог немецкой принцессе Фике (будущая Екатерина Вторая) породниться с российским императорским двором. А не будь Екатерины на престоле, как сложилась бы жизнь государства российского – неизвестно.

...Так вот, родился Фридрих II в Берлине 24 января 1712 года. Его отец – король Пруссии Фридрих-Вильгельм I, мать – дочь короля Англии Георга I, София Доротея Ганноверская (повезло мальчику: семья более чем знатная).

Отец стремился воспитать из Фридриха воина. Однако сын поначалу к этой идее отца короля отнёсся, мягко говоря, прохладно. Мальчик интересовался музыкой, философией и танцами. Он изучил несколько европейских языков, научился играть на музыкальных инструментах, сам сочинял музыку, изучал философию. В общем, был одарённым человеком.

Но папа-король считал Фридриха никчемным наследником и чуть было не назначил на это место его младшего брата, более подходившего отцовским требованиям. А тут ещё печальный случай, связанный с побегом Фридриха от семейной муштры из отчего дома, за что бедный юноша едва не лишился жизни (об этом чуть позже).

Как-то всё обошлось, и жизнь вроде наладилась, но в 21 год парню по приказу отца пришлось жениться. Однако, отношения с супругой у Фридриха были более чем прохладными.

Тогда же ему пришлось принять участие в войне за польское наследство. К большому удивлению отца, Фридрих воевал и храбро и с умом, за что от командования получил похвалу. Потом ещё одна война, и снова слова благодарности от старых генералов. Папе это понравилось, он даже похлопал сына по плечу, что означало: «Сын, негодный мальчишка, я горжусь тобой». И вот в конце мая 1740 года отец умер, и наш Фридрих стал королём Пруссии.

Отец, когда ещё был жив, просил сына не делать ему пышных (затратных) похорон. Но сын не исполнил волю отца и похоронил его с большими почестями. Сын превзошёл отца. Фридрих II много сделал полезного для своего государства: учредил Королевскую оперу, создал и

¹⁰ Совр. Вроцлав (Польша), Бреслау (нем.) в 1741 году был присоединён к [Пруссии](#).

построил Берлинскую академию наук, отменил пытки и цензуру, разрешил свободное вероисповедание. И воевал, воевал... При нём территория Пруссии увеличилась в два раза.

Будучи старым, похоронив всех своих друзей и боевых генералов, Фридрих II как-то сказал: «Я уже давно стал историей самого себя». И он был прав.

Умер Фридрих II в августе 1786 года в Потсдаме в своём любимом замке Сан-Суси...

Однако продолжим наше повествование...

Король сел в кожаное кресло, старое, в некоторых местах сильно потёртое и даже с дыркой на самом видном месте, из которой торчала волосяная набивка, но оно было очень удобное, мягкое, и погрузился не то в дремоту, не то в оцепенение, укрывшись тёплым пледом. Его голова чуть-чуть откинулась назад, руки лежали на коленях, и в полумраке было трудно понять, что в данный момент делает король, спит или размышляет.

В залах замка стояла тишина. Слуги и придворные ходили в мягкой обуви, говорили вполголоса и вообще старались меньше попадаться на глаза пребывавшему не в настроении хозяину. Король не спал, он мучительно размышлял:

«Семь лет воюю. Последний год – неудачный. Да что там говорить, провальный. В Берлине – русские, во многих провинциях тоже. Досаждают австрийцы. Нет сил наступать, обороняться или маневрировать. Под угрозой Силезия. Казна пустая: англичане перестали помогать. Елизавета не идёт ни на какие уступки. Одна надежда: русские окончательно переругаются с австрияками. Фельдмаршалы Бутурлин¹¹ и фон Лаудон¹² постоянно ссорятся между собой. Шпионы доносят: австриец в своём послании королеве пишет: «Война с Пруссией – дело решённое, вопрос только во времени. Но есть проблема, ваше величество: на стороне Фридриха – крайняя осторожность Бутурлина, граничащая с глупостью». Хм... может, и так. Что это меняет?...» – совсем уныло подумал государь.

Невесёлые размышления прервались. От камина пошёл сильный жар. Шерстяная бахрома пледа нагрелась до опасной температуры и готова была вот-вот затлеть. Недовольный король встал и отодвинул кресло. Накинутый на плечи плед стал сползать, Фридрих непроизвольно поднял руки. Его фигура с поднятыми вверх руками и пледом на плечах в полутьме кабинета выглядела зловеще. Он напоминал коршуна, высматривающего удобное место для приземления. Король опять сел в кресло.

«Швейцарцы в руках австрийцев. Генерал Румянцев штурмует Кольберг. В Кёнигсберге русские начали чеканить свои монеты, прусские уже не в ходу. Доходят слухи, что и жители стали присягать Елизавете. Королевство на грани развала. Войска противника – даже в Кюстрине. Суров, печален и ужасен конец моего пути. О мой Бог, скажи мне, чем я провинился перед тобой?»

Фридрих безвольно опустил руки. Тело, словно воздушный шарик, из которого выкачали воздух, распласталось по креслу, взгляд короля отрешённо уставился в одну точку. Так прошло несколько минут. Тепло от камина отогрело продрогшее тело, король устало закрыл глаза.

«Кюстрин... Кюстрин...» – мелькнуло в его голове знакомое название города и вспомнилось связанное с ним событие тридцатилетней давности. Волна воспоминаний перенесла Фридриха II в то далёкое время его молодости.

...7 часов утра 6 ноября 1730 года. Барабанная дробь во внутреннем дворе крепости Кюстрин заставила восемнадцатилетнего наследника прусской короны кронпринца Карла Фридриха закрыть руками уши и отвернуться от тюремного окна. Однако грубые руки тюремщика по фамилии Фредерсдорф тут же бесцеремонно повернули голову кронпринца обратно к окну. «Приказ короля, ваше высочество: вы должны видеть казнь своего друга», – с чувством

¹¹ Командующий русскими войсками в Западной Европе.

¹² Командующий австрийскими войсками в Западной Европе.

жалости пробормотал он. Несмотря на своё предобморочное состояние, Фридрих увидел на глазах молодого солдата слёзы.

Гвардейцы отца выстроились кругом в середине двора крепости. В центре стоял лейтенант королевской гвардии Ганс Герман фон Катте. Из окна тюремной камеры Карл Фридрих видел бледное спокойное лицо своего друга. Вот палач подошёл к Гансу, что-то прошептал и стал медленно связывать ему руки за спиной.

Барабанная дробь прекратилась. Катте в последний раз поднял голову вверх. Карл Фридрих увидел плотно сжатые губы друга и желваки на его лице: всеми силами лейтенант старался перебороть страх. Кронпринц не выдержал и закричал: «Прости меня, Ганс». Руки кронпринца вцепились в тюремную решётку и стали трясти её, словно хотели вырвать. Карл-Фридрих забился в истерике.

Катте повернулся на голос друга. На безусом лице юноши появилась слабая последняя в его жизни улыбка, и он, как мог громко, крикнул: «Простить... за что? Мы же друзья. Прощай, Карл! Живи долго!»

Помощник палача положил руки на плечи Ганса и слегка надавил, Ганс встал на колени и положил голову на плаху. Раздалась барабанная дробь. Карл Фридрих потерял сознание...

Король очнулся. По его щекам текли слёзы. Образ Ганса Катте со смертельной улыбкой на лице стоял перед глазами. В ушах звучала барабанная дробь. Губы короля в который раз шептали слова позднего сожаления:

– Боже, бедный Ганс. За мою попытку бежать от самодура-отца казнён друг, который не бросил меня в трудную минуту. Отец нас обоих приговорил к смерти.

«Они оба давали клятву на верность своему королю. Они её нарушили. Законы моей страны одинаковы для всех – казнить обоих», – приказал отец тогда на заседании военного суда.

– Зачем?.. Зачем?.. Зачем?.., – сквозь слёзы шептал Фридрих.

«Как же я тогда ненавидел его», – устало подумал Фридрих.

Судьи были потрясены жестокостью короля по отношению к собственному сыну. На свой страх и риск они смягчили наказание кронпринцу. Судьи рисковали, но Фридрих Вильгельм I не отменил их решение и молча утвердил вердикт суда.

– Катте, мой Катте, – опять зашептали губы Фридриха II.

В ушах короля продолжала греметь барабанная дробь. Её темп нарастал, проникал глубоко в сознание, заставлял сердце гулко и тревожно биться. Король замер, вцепившись в подлокотники кресла. Его лицо застыло, широко открытые глаза неподвижно смотрели в пространство.

– Ваше величество, ваше величество, – сквозь треск барабанов откуда-то издали послышался знакомый голос.

Король очнулся и резко встал. Перед ним стоял кабинет-министр граф Финк фон Финкенштейн. Грузная фигура министра испуганно вытянулась и замерла.

– Ваше величество, покорнейше прошу меня извинить, что беспокою вас, но у меня неожиданная и приятная новость, – пролепетал он.

– Нет такой новости, граф, которая может позволить вам беспокоить меня в такое время.

– Осмелюсь возразить, ваше величество, такая новость есть. Я только что прибыл из Магдебурга, где встретился с русским посланцем.

От непривычной дерзости приближённого брови короля поползли вверх. Осмелев и поборов робость, Финкенштейн каким-то неестественно радостным голосом повторил:

– Да, ваше величество. Из России прибыл гонец.

Король недоумённо взглянул на графа:

– И что? Елизавета предлагает мир? Не поверю...

– Она умерла, ваше величество! – граф сделал театральную паузу и затем с улыбкой на лице добавил: – Россия выходит из войны. Новый император России Пётр III вам первому передаёт своё искреннее уважение и предлагает заключить с Пруссией договор. Мирный договор, ваше величество.

Фридрих II сурово посмотрел на своего министра: нарушение его указаний налицо. Никто не имеет права их нарушать. Король опять сел в кресло. Немного поразмыслив, он решил: «Придётся простить, сообщение действительно важное».

– Хорошо. Эта новость прощает вашу бесцеремонность, граф, – медленно, с трудом сдерживая свой гнев, произнёс Фридрих.

Успокоившись, король недоверчиво взглянул на министра:

– Хм... правда, что ли? Елизавета умерла?..

– Да, ваше величество, десять дней назад. Посланник и ближайший друг нового императора генерал Гудович ждёт вашей аудиенции. На руках у него личное письмо русского императора.

– Если это так, то это чудо, Карл.

Фридрих с удовольствием откинулся на спинку кресла. В его голову почему-то пришла мысль об Англии...

– Теперь Англия нам не нужна, – больше для себя, чем для подчинённого, с явно довольной интонацией произнёс король. – Как полагаете, граф, надо ли сообщить новому российскому государю о кознях этих англосаксов?

– Стоит ли, ваше величество? Англия – ненадёжный союзник, коварный. О коварстве англичан русским сообщить можем позже, момент подходящий нужен. Цель англичан – Франция! Война в Европе британам была выгодна. Потому-то за спинами России и Австрии она тайком и субсидировала нас, заверяя союзников в своей преданности.

Подлость, конечно, но своего Англия добилась. Мощь французов сломлена. Франция на коленях, многие её колонии перейдут к британам. Одна Индия чего стоит!..

– Эти чахоточные и меня бросили. Пруссия на краю гибели, как же, пожить можно. Ублюдки! А по поводу подлости в отношениях государств... Запомните, граф: в политике все средства хороши, коль идут они на пользу собственной стране. Это и к Англии относится.

– Государь! Но, допустим, насколько я знаю, русские никогда не были замечены в коварстве, тем более в подлости!.. В разгильдяйстве – да, но не более.

– М-да... Это верно! Характер у них не то, что у нас, европейцев, не алчный. А почему?!.. Территория, граф, территория! Имей бы я столько земли в Пруссии, на кой чёрт мне Польша, Саксония и прочие?..

– Ваше величество! А что же тогда русские у нас в Берлине делают? Восточную Пруссию, гляди, оттяпают. А тут мирный договор?!..

– Вот как раз это та черта русских, о которой вы только что говорили, – порядочность. Граф! Вы и сами должны знать ответ. В противном случае я могу усомниться в ваших умственных способностях. Вы что, не видите, государей-то на трон российский после ихнего Петра I, почитай, мы поставляем. Даже Елизавета наполовину немкой была. И получается... родственные связи, даже в отсутствии выгод для своей страны, обязывают русских самодержцев вступать в военные европейские союзы. На кой чёрт им это надо?!.. Повторюсь – родственные связи. Своей-то земли у русских более чем достаточно. – Фридрих покачал головой. – А сейчас новый русский царь – чей родственник?

Министр виновато развёл руками.

– Вот то-то же! – буркнул король. – И грех нам, европейцам, этим качеством русских не воспользоваться. Сегодня русские на стороне Австрии, завтра – на нашей. Надо только попросить. Политика – дело грязное.

В знак согласия со своим государем министр закивал головой.

Всё ещё не веря в свалившееся на голову счастье, король своими маленькими глазками пристально вглядывался в полыхавший огонь в камине. Наконец очнувшись, он вкрадчивым голосом (если, конечно, мрачный шёпот грозного короля Пруссии можно считать таковым) спросил своего министра ещё раз:

– Так вы говорите, Россия мир с нами заключить хочет? – не дожидаясь ответа, король добавил: – А это, как полагаю я, весьма изменит ситуацию на фронтах.

– Обязательно. Супруга нового императора, София Цербстская – Екатерина, – ваша протеже. Не зря вы так настойчиво рекомендовали её императрице для племянника Петра.

– Хм... старая ведьма, Елизавета, всё упиралась, принцессу Саксонскую Марианну на примете держала, – проворчал король. – Вы же, граф, понимаете, что Пруссии тот брак был невыгоден: объединение России с рядом стран Европы против нас с Францией в мои планы не входило. – Король усмехнулся и добавил: – А предложи я тогда Елизавете взять в невестки мою сестру принцессу Ульрику, – Фридрих покачал головой, – обе, конечно, согласилась бы, но принести сестру в жертву было бы жестоко, согласитесь, граф.

– Согласен, ваше величество. Надеюсь, Екатерина не забудет это и напомнит своему супругу о ваших хлопотах, а может, и напомнила уже.

– Вряд ли, не те у них отношения. А хотелось бы, чтобы оба помнили, кому обязаны, – король задумался. – Теперь, граф, – после минутной паузы, произнёс он, – поменяется расстановка сил в Европе. М-да... Понимаю, почему крымский хан так и не дошёл до Киева, хотя Гольц передавал ему мою настоятельную просьбу.

– Крым-Гирей – лис хитрый, ваше величество. Знал наверняка, что Елизавета скоро помрёт, и не хотел рисковать. Поди знай, кому престол достанется. Елизавета в последнее время плохо стала относиться к своему наследнику Петру. А оно вон как получилось...

– Помнится мне, в шестнадцатом веке два нашествия крымских татар на Москву едва не закончились падением Руси. Жаль... нынешний их поход отвлек бы русские войска от Кёнигсберга и Берлина. Генералы докладывали мне, что удар с юга заставил бы Елизавету вернуть Курляндию¹³. Мечты... мечты... Вы правы, граф. Хитрые все, а татары – в первую очередь: нельзя им верить. Кстати, что там наши послы из Бахчисарая сообщают?

– Ничего нового, ваше величество. Всё те же пустые разговоры о философии Монтеスキе, вирши Газайи и жирный плов с кувшином вина. Хан тянет время. В беседах с послами вместо делового обсуждения военных походов против России наизусть цитирует целые главы из комедий Мольера. В знак уважения хан украсил свой зал для приёмов вашим портретом.

Государь благосклонно кивнул.

– А насчёт хитрости, ваше величество, англичане и здесь впереди всех, любому фору дадут. Не они ли лет сто назад первыми организовали тайную канцелярию, письма и донесения стали перлюстрировать и дешифровать.

Фридрих II никак не отреагировал на эти слова министра, а лишь произнёс:

– Распорядитесь должным образом занять посланца русского императора, я приму его позже.

Король сидел неподвижно, прикрыв глаза. Министр терпеливо ждал. Наконец король произнёс:

– Подготовьте рескрипт, надо поздравить русского императора с вступлением на престол. Мой адъютант барон фон Гольц, думаю, лучшая кандидатура для этих дел. Опыт имеет. Не зря послом в Крыму был. И вот ещё что... срочно готовьте проект мирного договора. Там, в Петербурге, Гольц должен бороться с русскими до конца. Никаких контрибуций и уступок нашей территории.

– Это невозможно, поверьте мне, ваше величество. Чем-то придётся поступиться.

¹³ Западная часть Латвии.

Король гневно взглянул на министра, затем резко поднялся с кресла и топнул ногой. Дрожа от негодования, государь хотел напомнить Финкенштейну, что не потерпит вторичного неповиновения, но в этот момент с его плеч на пол соскользнул плед. Министр тут же бросился поднимать его, и это отвлекло короля.

Фридрих II подошёл поближе к камину. Скрестив на груди руки, он задумчиво стал разглядывать раскалённые угли. Наступила пауза: министр замер, боясь пошевелиться.

– Наверное, вы правы, Карл, – неожиданно спокойным голосом произнёс король. – В самом крайнем случае, крайнем, подчёркиваю, граф, так и передайте Гольцу, что в качестве компенсации за понесённые в войне убытки я могу согласиться на передачу русским территории Восточной Пруссии. Видно, с Кёнигсбергом придётся проститься. – И уже совсем тихим голосом огорчённо добавил: – Тем более, что они всё равно там уже хозяйничают.

Граф Финкенштейн облегчённо вздохнул и мысленно поблагодарил Бога за вовремя упавший с плеч короля плед. Однако всё же высказал сомнение в отношении личного посланника короля:

– Ваше величество, Россия не Крым, больно молод барон Гольц, да и воинское звание его маловато для подобной миссии.

– Хм... возраст не помеха, а воинский чин – дело поправимое. Подготовьте указ о присвоении Гольцу звания полковника. Поторопитесь, граф, с проектом договора, в марте Гольц должен быть в Санкт-Петербурге, и никаких предложений с нашей стороны, пусть русские сами назовут свои требования. Да... и отзовите из Крыма послов, нечего зря болтаться там и проедать деньги. Теперь вся надежда на моего русского друга – императора Петра III.

– И на его супругу, Екатерину Алексеевну, ваше величество, – добавил Финкенштейн.

Впервые за весь вечер король улыбнулся. Затем немного помолчал и сказал:

– Возможно, граф, возможно. Для Пруссии сегодня выгодно дружить с этими варварами.

Молодой капрал

Санкт-Петербург. 26 января 1762 года.

«Преклонше колена» прошли в войсках печальные торжества и молебны за упокой души императрицы Елизаветы Петровны.

Тело государыни уже месяц как выставлено для прощания с ним придворных, военных, гражданских чинов и простолюдинов. А люди всё шли, шли и шли...

После короткого дневного тепла – снова мороз. И гололедь такая, что шагу ступить нельзя, не опасаясь сломить шею. Стоявшие в карауле на улице солдаты роптали.

– Учудила же матушка преставиться в такой холод, – ворчали они и, шаркая по льду, мелкими шажками шли греться в прокуренную караулку.

Народу в тесном помещении набивалось много. Грелись, сменяя друг друга...

Скоро полночь. Потёмкин устал. Рука, державшая ружьё, онемела, шея затекла. Непривычная форма гефрейт-капрала¹⁴, недавно сшитая на прусский манер, стесняла дыхание. К тому же солома, набитая в ботфорты для придания икрам округлости, стала вдруг особенно колкой: страсть как хотелось почесаться. Григорий поморщился, осторожно повертел головой и чуть-чуть согнул, а затем разогнул колени.

– Чего вертишься? В харю хочешь? – злобным шёпотомдохнул прямо в затылок неожиданно подкравшийся начальник караула. – Не на прогулке с девками, чай у гроба самой императрицы стоишь. Стой, паскуда, смирно!

Этот вечный запах чеснока, исходивший от него при каждом слове, и в этот раз заставил Потёмкина поморщиться. Григорий застыл, проклиная в душе начальство.

Посетителей в траурном зале совсем мало; под ликами образов шептались две старушки, утирая глаза платочками, да не совсем трезвый тщедушный дьякон с козлиной бородкой. А кому ещё быть? Ночь на дворе-то.

Потёмкин с некоторым интересом наблюдал за служителем церкви, от скуки бродившим по залу. Было видно, что душа его требовала общения. Старушки, приняв как-то помышиному и учуяв перегар, не стали выслушивать слугу божьего, отвернулись. Тогда дьякон подошёл к караульному и в растерянности остановился неподалеку. Пристально стал его разглядывать, как будто решал: угодна ли Богу беседа с этим солдатиком? Но жар от свечей и вино ускорили решение. Почесав бородку, дьякон перекрестился на ближайшую икону, поклонился ей и, глядя вверх головы Потёмкина, залопотал однообразным плачущим голосом, точно огромный комар зажужжал:

– Крашенные доски как могут чудеса творить? Брось в огонь – сгорят, как всяко дерево. Как Бог может любить дерево, на коем распят Сын его? Не иконам в землю, а Богу в небо подобает кланяться.

Дьякон задрал голову к потолку и трижды перекрестился.

От таких крамольных высказываний служителя церкви Григорий удивлённо вытаращил глаза, но в спор с дьяконом не вступил – на посту не положено. А дьякон заплетающимся языком продолжил:

– Любит Господь плачущих, любит Господь алчущих и жаждущих, любит страждущих безвинно, всех Господь любит! А вас, грешников, – дьякон махнул куда-то в сторону, – Господь не любит: душа ваша чёрная и в теле едва держится. Не изнемогайте в терпении, но благодарите Христа, Бога своего. Он к вам по воскресении своем будет не токмо в гости захаживать, но и в неразлучном с вами пребывании быти.

Дьякон неожиданно вознес обе руки и завопил отчаянным воплем:

¹⁴ [Лейб-гвардейский кавалерист.](#)

– В вас Христос есть и будет, а вы скажите: аминь! Никола Чудотворец!.. Пресвятая Матерь Богородица!.. Помилуй!..

Григорий вздрогнул. Старушки испуганно замахали руками и принялись часто-часто креститься.

«Попы всякие бывают: и пьяницы, и блудники, и сущие злодеи. Люди все одинаковы, и к Богу это не относится», – философски решил Потёмкин, а потому не сдержался и, нарушив устав, этак внятно, дабы этот полоумный дьяк слышал, произнёс:

– Кто в Бога не верует, тот сумасшедший либо с природы глупый.

Дьякон его не услышал. С неподвижным взглядом, словно слепой, что-то едва слышно бормоча, он побрёл в сторону выхода. На слова служивого старушки согласно закивали и зашептались меж собой.

«Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум, – про себя опять философски заключил Григорий. – Вот и не объяснишь глупцу, что он не прав в чём-то. А умного переубедить можно, ибо на одном языке с ним говоришь».

Григорий представил себя в церковном одеянии, смиренно стоящим перед алтарём. «Поди старушки от меня, – слуги божьего, лица-то не воротили бы».

Он с некоторой досадой покачал головой. «Да уж как получилось, так получилось! Дяде покойному и на том спасибо, что в конный полк устроил»

Вновь наступила изнуряющая тишина, снова захотелось спать.

Серебристое с кружевами платье императрицы в отблеске свечей казалось стальным, словно в гробу лежал рыцарь в доспехах. Потёмкин мысленно представил в одной руке у покойной огромный меч, в другой – тяжёлый треугольный щит и усмехнулся.

Вернулся дьякон и в смиренной позе застыл подле иконы Николая Чудотворца. Время текло убийственно медленно. Стоял тлетворный запах начинавшего разлагаться тела.

Вокруг возвышения, где под высоким балдахином стоял гроб с телом горели свечи: много свечей, и они были огромны. От скуки Потёмкин пересчитал их: ровно пятьдесят две – по числу прожитых лет покойной, решил он. Такого размера свечи Григорий раньше видел в Москве, в церкви Георгия на Псковской горе, где ещё студентом раздувал иереям кадило и выносил с дьяконами подобные свечи. И как-то заспорил он тогда с Яшкой Булгаковым: за какое время они догорят, в две седмицы или в три? Каждый день ходили смотреть, не дождались... А когда сам батюшка стал с явным подозрением на них поглядывать, пришлось спор прекратить.

Потёмкин пристально разглядывал лицо почившей императрицы: оно оставалось почти естественным. Кожа на лице ещё держалась, и кое-где даже искусственный румянец проглядывался. Лишь уголки губ неестественно опустились вниз, да цвет кожи в некоторых местах едва заметно посерел.

«Не мудрено, – неторопливо размышлял Григорий. – Четвёртая неделя прощания с государыней пошла, а народ день за днём всё прёт и прёт. Ничего... держится Елизавета Петровна... Одно плохо – воздух всё удушливей, дух всё приторней...»

Придворный аптекарь анатомил покойную. По ночам ходит сюда и подправляет лицо, вот недавно ушёл. Господи, как время течёт медленно, скорее бы на воздух».

Чтобы не заснуть, Григорий старался вспомнить события последних лет. Однако воспоминания увязали в усталости, как в болоте. Усилием воли Потёмкин заставил себя широко раскрыть глаза и слегка потряс головой.

В столице он уже не в первый раз. Помнится, в числе лучших студентов московского университета его направили в Санкт-Петербург на встречу с императрицей.

Впервые встретился там с великой княгиней Екатериной Алексеевной и даже говорил с ней. Растерялся в разговоре, как малый ребёнок, всё о религии говорил.

– Тьфу... даже сейчас стыдно, – не удержавшись, прошептал Григорий.

Взгляд его упёрся в стоявший за гробом государственный герб и целую галерею регалий императрицы. Наград и почётных знаков разного достоинства было не счесть. «И вот их хозяйка лежит в гробу... ничего ей уже не нужно», – с грустью размышлял Потёмкин.

Неожиданно справа от него отворилась широкая дверь. От лёгкого движения ветерка пламя свечей затрепетало, на стенах заплясали загадочные тени. Сердце Потёмкина забилося от волнения.

В сопровождении небольшой свиты из двух фрейлин и придворного ювелира вошла, вся в чёрном, супруга нового императора, Екатерина Алексеевна. Подойдя к гробу, она поклонилась покойной.

Григорий жадно разглядывал лицо Екатерины. Даже в полумраке оно выглядело уставшим и озабоченным. Понюхав несвежий воздух, супруга императора прикрыла носик платочком и сморщилась.

Небольшого роста, щуплый, с чёрной повязкой на руке ювелир бережно держал в руках округлой формы свёрток, завёрнутый в материю. Не скрывая брезгливости, он прикрыл платком нос и что-то сказал на ухо Екатерине Алексеевне.

– Это не займёт много времени, господин Позье, – услышал Потёмкин голос Екатерины. – При условии, что хотя бы вы правильно сняли мерки с головы покойной.

Ювелир хотел что-то сказать, но Екатерина Алексеевна не дала ему этого сделать.

– И не надо оправданий, как у вашего коллеги Экарта, – добавила Екатерина, – мол, голова императрицы распухла и надо переделывать погребальную корону. А что, он не знал этого раньше? Завтра погребение, нельзя больше тянуть с похоронами. Приступайте, господин ювелир!

Позье сдёрнул материю со свёртка: в тусклом свете Григорий разглядел золотую погребальную корону. Ювелир подошёл к гробу и растерянно произнёс:

– Подержал бы кто голову, ваше величество...

Екатерина осмотрела зал: других мужчин поблизости не было (пьяненький дьякон успел куда-то испариться), и взгляд её наткнулся на военного, стоявшего в карауле недалеко от гроба. Красивый молодой капрал с шапкой-треуголкой на голове восхищённо смотрел в её сторону.

Екатерина внимательным взглядом окинула высокую стройную фигуру. Её поразили глаза капрала: даже при свечах они светились, излучая искорки бирюзового цвета. Брови, приподнятые и разделённые правильно очерченным, несколько крупноватым орлиным носом, придавали его внешности вид энергичного мужчины. А вот полные чувственные губы делали рот караульного почти детским, непорочным. И это невольно привлекало.

– Кажется, мы встречались с тобой, касатик? Помнится, силен ты был в учении божеском. Матушка Елизавета Петровна тоже сие отметила. Митрополитом аль ещё кем мечтал стать?. Видать не случилось, коль с ружьём стоишь?

Сердце Григория словно полковой барабан, учащённо забилося. Он растерялся, как и в прошлый раз, и вновь от волнения потерял дар речи. Не в силах произнести ни слова, Потёмкин кивнул головой.

– Голубчик, помоги господину ювелиру, – и, заметив некоторое замешательство, с едва заметной усмешкой добавила: – Можешь положить ружьё, я разрешаю.

Ладони Григория от волнения стали липкими. Стараясь не смотреть на лицо покойной, он приподнял её голову. Она была холодной и на удивление тяжёлой.

Ювелир осторожно примерил корону: она опять не налезала. Позье ловко вытащил из кармана инструмент, открутил крепление на ободке короны и раздвинул его. Надев корону, ювелир облегчённо вздохнул и вопрошающе посмотрел на Екатерину.

– Слава Богу, подходит, – прошептала она.

Ювелира поразила перемена в её лице. Еще недавно, по пути сюда, она гневно высказывала ему претензии к работе Экарта, не стесняясь в выражениях. Теперь он не мог не заметить

удивительного отличия: вместо властной энергичной особы, привыкшей повсюду командовать и повелевать, перед ним стояла женщина с выражением кротости и даже печали.

Устремив взгляд на покойную, сложив на груди руки в молитвенной позе, супруга императора чуть слышно что-то шептала. До ювелира доносились слова, видимо, прощальной молитвы, слова которой во всех странах не повторяют дважды, и надо успеть произнести их именно сейчас, сию минуту, сию секунду. Ювелир осторожно отступил на два шага назад. За ним последовали и фрейлины.

Голова Екатерины, покрытая чёрным платком, слегка покачивалась в такт сокровенным словам молитвы «Символ веры»:

– Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившегося от духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за нас при Понтийстем Пилате и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанию. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь.

Екатерина ещё ниже склонила голову и замерла.

Наконец она очнулась, взглянула на ювелира и устало вымолвила:

– Всё, я задыхаюсь, пойдёмте, господин Позье. Надо отдохнуть: день предстоит тяжёлый.

У выхода она неожиданно остановилась. Повернула голову в сторону Потёмкина и мягко произнесла:

– Запомнявала я, как звать-то тебя, служивый?

– Гг-р-и-игорий Па-а-отёмкин, ва-аше величество, – заикаясь, еле выдавил из себя Григорий.

– Потёмкин... Спасибо тебе, Потёмкин. Отмучилась наша государыня, – Екатерина перекрестилась в сторону покойной императрицы и замерла в последнем поклоне.

Уже в спальне перед зеркалом, расчёсывая гребнем волосы, Екатерина неожиданно припомнила эпизод с короной. Она кокетливо надула губки и, обращаясь к своему зеркальному отражению, передразнивая застенчивого капрала, нарочито заикаясь, произнесла:

– Гг-р-и-игорий Па-а-отёмкин... Поди ж ты...

Встреча друзей

Москва. Июнь 1762 года.

Холодная, слякотная весенняя погода как-то плавно перешла в лето, но солнце всё равно редко появлялось над городом. Дожди, дожди...

Вот и сегодня гроза ворчит и переходит с места на место. Словно беззвучные удары сабель, на горизонте падают молнии, а вслед им каждый раз доносится раскатистая громовая канонада. Всё ниже, всё чернее напоздали на тревожно затихший город тучи. Бывшая столица боязливо замерла в ожидании бури.

По улице вдоль большого каменного здания, построенного буквой «П» и стоявшего вблизи Воскресенских ворот Китай-города, ветер гнал ворох мусора.

Здание было построено полвека назад для Земского приказа. Также в нём находились Главная аптека, присутственные места, ресторация. Шло время, и «аптекарский дом» (за ним так и осталось это название) обветшал: обшарпанные стены и выбитые окна производили на прохожих унылое впечатление.

Однако власти опять отремонтировали здание, и с той поры здесь находились университет и гимназия. Фасад дома заиграл красками и бликами солнечных зайчиков от оконных стёкол. Как старый фант, стяхнувший с камзола пыль, ветеран всем своим щегольским видом стал напоминать проходящим мимо барышням о своей былой молодости. Вот только псы, старыми бродившие по окрестностям, отчего-то взяли на себя миссию сторожей, и это обстоятельство не располагало к приятному общению: барышни чаще всего обходили «кладезь мудрости» стороной.

Возле открытого окна одной из аудиторий гимназии стоял молодой преподаватель Денис, для учеников – Денис Иванович, и грустно разглядывал Кремль. На фоне грозовых туч бывшее пристанище русских царей выглядело мрачным.

Полный, с пухлыми губами, Денис на первый взгляд производил впечатление увальня, недотёпы. Только глаза... умные, живые, светящиеся и немного насмешливые, они сглаживали впечатление от простоватой внешности их хозяина. По характеру добрый и спокойный, Денис старался не наказывать своих учеников за случайные оплошности, и гимназисты это ценили: не пакостили, как другим учителям.

Семнадцатилетний преподаватель, как, наверное, все молодые люди его возраста, рано вступившие во взрослую жизнь, старался теперь держаться с достоинством. Идя по коридорам гимназии, по которым совсем недавно сам носился сломя голову, он важно кивал ученикам, степенно подавал руку для приветствия коллегам и старался говорить с ними не спеша, вальяжно, тщательно подбирая слова. Это было порой смешно, но учителя относились к своему студенту снисходительно. Хотя нет-нет да и ухмылялись, приговаривая:

– Молодость... Пройдёт!

Денис вздохнул, покачал головой и перевёл взгляд вниз, на улицу. Редкие прохожие торопились укрыться в ближайших торговых лавках, а кучера, громко ругая зевак и не соблюдая осторожности, всю гнали кареты и телеги, чем нарушали всем известный указ, изданный императрицей Елизаветой Петровной ещё в 1744 году. Штраф за быструю езду и прелюдную брань полагался немалый. Но сегодня штрафы мало кого пугали, и не зря: небо над городом окончательно заволакивало свинцовыми тучами, гром гремел всё громче. Вот-вот должен хлынуть ливень.

Природа на короткое время замерла. Стих ветер, замолкли птицы, и даже собаки перестали лаять, все понимали: это последняя возможность укрыться в безопасном месте...

Но вот совсем неподалёку сверкнула молния. Огненная дуга с сильным треском электрических разрядов ударила с небосклона в поверхность земли: Денис Иванович поспешно захлопнул окно и повернулся к классу.

Втянув головы в плечи, мальчишки, словно нахохлившись воробы, боязливо, но с явным нетерпением ожидали конечной фазы природного катаклизма. Почти все они руками прикрыли свои уши и замерли в ожидании грохота. Трое ребят прилипли к дальнему от учителя окну, и один из них, что постарше, Гордеев, с каким-то восторгом произнёс:

– Сейчас к-а-к бабахнет!

– А ну, пострелы, живо сядьте на место! Молния вам...

Договорить Денис не успел: грохот заглушил его слова. Мальчишки испуганно отскочили от окна.

Через несколько секунд послышался дробный стремительно нарастающий шум бьющих по металлической крыше здания капель дождя.

Снаружи по стеклам потекли грязные ручейки. Денис опять вздохнул, поправил съехавший набок парик и сел за стол. Гром заглушал слова, а всполохи молний пугали ребят: дети всё-таки. Лило как из ведра.

Университетская гимназия, как и сам университет, были созданы благодаря стараниям столичного профессора Михаила Ломоносова и фаворита её величества Шувалова. Их многолетние настойчивые прошения возымели своё действие: императрица России Елизавета Петровна в 1755 году, в аккурат на Татьянин день, издала указ об организации Московского университета. Даже церковь в честь этой святой постановила заложить.

Поначалу университет и гимназия получили двадцать аудиторий: три большие, по четыре-шесть окон, а остальные – поменьше. В подсобных помещениях разместили библиотеку, физический и химический кабинеты, анатомический театр и даже типографию. Дом сразу же оказался тесен. Директор университета поспешил к Ломоносову, тот обратился к Шувалову, а фаворит – к императрице. Возможности нашлись, и к университету прирезали Репнинский двор на Моховой. Стало свободнее.

В гимназии было два отделения: одно – для разночинцев, другое – для дворян. Курс обучения дворян дополнительно включал в себя три дисциплины: экзерциции воинские¹⁵, фехтование и танцы. Остальные предметы были одинаковы в обоих отделениях. Правда, было ещё одно отличие: дворян секли, не снимая с них исподнего, дабы совсем уж не бесчестить, разночинцев же стегали по голой заднице.

Как всё новое, а значит, и непонятное, университет в Москве был новой затеей, престиж его был невысок, и московская знать детей своих определять туда не спешила. Это давало возможность зачислять в университет отпрысков практически всех сословий.

Только вот денег на вновь созданное учебное заведение из казны отпускалось мало, и роль преподавателей в гимназии часто выполняли студенты университета.

Денис как раз и относился к этим добровольцам, преподавая в младших классах географию и грамматику.

Сегодня он был не в настроении. Мало того, что ему неожиданно пришлось заменить заболевшего иностранца, обучавшего детей итальянскому языку (а попробуй откажись, с директором лучше не связываться, тут же доложит кураторам), так ещё и погода разгулялась не на шутку.

Друзей, Гришки Потёмкина и Яшки Булгакова, рядом не было. Первого выгнали из университета за лень и пропуски занятий, квартирует сейчас в столице. А второй, получив золотую медаль за успехи в учении, совсем недавно поступил в Коллегию иностранных дел и тоже оказался в Петербурге. Оба в столице... Зачем им Москва?

¹⁵ Военные упражнения.

«Вечер опять придётся коротать дома, в одиночестве, всё под те же отцовские нравоучения. А как же это скучно», – Денис вздохнул. За окном всё так же лил дождь. И под шум дождя он продолжал размышлять:

«Чем не угодил руководству Григорий? Плохо учился... это враньё. Учился он легко, охотно и без напряжения. Запоем читал всё подряд, не забывал и о церковных книгах. Гришке просто неинтересно и скучно было ходить на занятия: он всё знал, потому и ленился, не без этого. Да и скандалил часто с профессорами... Кому это понравится? Гриц – гордый: ежели упрётся, то не отступит. Поди теперь разберись, почему исключили. Уж как директора Ванятку¹⁶ ни просили простить Потёмкина, тот ни в какую. Иван Иванович, словно лошадь породистая, закусив удила, взбрыкнул и ни на какие уговоры не поддавался. Пропускал занятия Гришка и ранее, чего скрывать, но бывший директор Аргамаков¹⁷ прощал ему, а этот упёрся... Любил новый директор дисциплину, а тут ещё влиятельный родственник Гришки, президент Камер-коллегии, умер, некому было за него слово замолвить. Отец-то Гришкин умер ещё лет десять назад. А мать... что мать, хоть и очень красивая, да чем поможет? Всё как-то сложилось не так... Но Гриц не пропадёт. В рейтарах лейб-гвардии Конного полка сейчас служит», – и уже вслух так же с огорчением тихо добавил:

– Он не пропадёт, а вот погода...

Поглядывая на задумавшегося учителя, воспитанники озорничали, строя друг другу рожи. Смешнее всех получалось у рыжего гимназиста Гордеева.

Раскаты грома понемногу стали стихать. Оторвавшись от размышлений, Денис нехотя ткнул пальцем в сторону смешливого гимназиста, копна рыжих волос которого и без кривляний поневоле привлекала к себе внимание.

– Что, пострелы, прежде чем о Крыме говорить будем, историю вспомним. Давай, Гордеев, расскажи нам, что есть Крым? Где он находится и какое ещё название у него имеется? Не учил, небось?

– Учил, как же. Сразу не учил, скажете тоже, – недовольно пробурчал парень, – его лицо, густо усыпанное веснушками, вмиг нахмурилось, а хитрющие глаза уставились в пол. – Там тавры жили раньше, – как-то несмело произнёс он. – Они же и назвали Крым Тавридой, – поковырявшись в носу, он задумчиво добавил: – Сначала Рим владел Крымом, потом эта, как её, Византия. А потом турки. А ещё там есть Херсонес.

За спиной ученика кто-то прыснул со смеху.

– Как? – переспросил Денис.

– Херсонес. Его греки построили в западной части Крыма ещё до Рождества Христова, – важно пояснил Гордеев.

– Херсонес, говоришь? Рынков, и ты так считаешь?

– Херсонес, господин учитель, – ответил Рынков. – А остальное Гордей правильно сказал.

– А ещё в Крыму есть гора Митридат, а на ней раньше находилось Боспорское государство, – уже более уверенно продолжил Гордеев. – И вообще в Крыму было Крымское ханство, горное княжество Феодоро и генуэзские колонии. В ханстве татары живут, ихний хан живёт в Бахчисарае. В Феодоре раньше жили греки. А главный ихний город – крепость Мангуп. По берегам у моря жили генуэзцы.

Будто только что вспомнив, Гордеев торопливо выкладывал учителю всё, что знал про Крым:

– Это... ещё крымские татары часто грабили русских, аж до Киева и Москвы доходили. И дань с Руси брали, вот...

¹⁶ Так студенты звали нового директора университета Ивана Ивановича Мелиссино, грека по национальности.

¹⁷ Первый директор Московского университета.

Очередной раскатистый грохот прервал ответ гимназиста. Воспитанники, как по команде, перекрестились. За окном с новой силой разбушевалась стихия: молнии вспыхивали одна за другой, и дождь продолжал лить. Потоки мутной воды неслись мимо университетского здания, превращая лужу в конце улицы в небольшое озеро.

– Вижу, Гордеев, что учил, что-то знаешь. Дальше Рынков продолжит. Давай, Иван!

– Княжество Феодоро называли ещё Мангуп-Кале. Жители порт построили, Авлита, куда купцы заходили, всякие товары привозили. Мангупские князья иногда воевали с генуэзцами, а у тех свой порт был – Кафа, господин учитель!

– Воевали... А как ты хотел? Коммерция, брат. Порт – дело прибыльное! Греки крепости выстроили в горах, прямо супротив крепостей генуэзцев, что на побережье, и сверху наблюдали за ихней Кафой. Конечно, видели, что в порт заходит много иноземных судов с товарами, и решили построить в другой большой бухте рядом с небольшим татарским поселением Ахтияр свой порт – Авлита и переманивать купеческие суда у генуэзцев. А кому это понравится? Вот потому и воевали друг с другом. Побережьем владеть очень выгодно. Да с Ахтияром у греков промашка вышла, порт захирел со временем. Давай, Рынков, продолжай.

– Когда Чингисхан умер, то Золотая Орда стала разваливаться, и турки захватили Крым.

– Так... на Орду уже перекинулся. Ну-ну. Рынков, здесь ты перегнул: Чингизхан к Золотой Орде отношение не имел. Ты, наверное, хана-Батыея имел ввиду. Ну, уж если вспомнил про Чингизхана, то Орда ещё лет двести существовала и после. А когда умер Чингисхан, кто знает? Черемшин, не крутись, ответь лучше на мой вопрос.

– Дык, это... лет пятьсот назад, господин учитель.

– Хм... примерно так. А для тебя, Рынков, несколько столетий, как будто это было вчера. Ну хорошо, давай дальше.

– Так я и говорю, господин учитель. Турки воспользовались тем, что в Крыму все воевали между собой, и захватили Крым. В Мангупе убили всех жителей и сожгли его. В конце пятнадцатого века кругом были гарнизоны турок. Султан собирал дань со всего Крыма и ханов татарских сам назначал.

– И вообще татары и турки постоянно набеги на нас делали, господин учитель. Брали в плен людей русских и продавали их на рынках, как рабов, – не выдержал Гордеев. – Турки и татары – наши враги, – на всякий случай уточнил он.

– Экий ты скорый на оценки, Гордеев. Да, они нам не друзья, это так. А кто Крымское ханство основал? А?... Ну чего молчите?

– Гирей-Хаджи, господин учитель.

– Молодец, Гордеев, только наоборот: Хаджи-Гирей. А в каком году? Не помнишь? А я вам намеренно говорил. Забыли? Ладно, ещё раз повторю. Хаджи Девлет-Гирей I основал Крымское ханство в середине XV века. А помните, я сказывал вам, как татарский хан, тоже Девлет-Гирей, но уже второй, вместе с турками в 1571 году сжёг Москву, много русских людей в полон¹⁸ взял, а на следующий год они опять напали на нас. Помните?... Хан тот сам хотел царствовать на нашей земле, погубить религию нашу, да князь Михайло Воротынский с князьями и боярами у селения Молоди разбил и прогнал татар. Царь Иван Грозный, ох как зол был на крымцев...

Потом и Михаил Голицын, и Иван Сирко, и царь Пётр, да и многие другие воеводы ходили походами на Крым. Не зря, чтобы как-то укрепить южные границы Руси, казаки основали Запорожскую Сечь. Казаки – народ горячий, но на границах стало спокойнее. Однако истории достаточно. Давайте о географии поговорим. Хотя вам, будущим студентам университета, знание истории очень пригодится, смею вас заверить.

¹⁸ Плен.

Из кабинета директора, который находился на одном с их аудиторией этаже, загудели медным певучим гулом часы. Пробило двенадцать, и не успел затихнуть последний удар, как с противным скрипучим звуком приоткрылась дверь в аудиторию. Денис поморщился. В проёме показалась чья-то голова и, о чудо... Яшка! И, судя по загадочному выражению его физиономии, он что-то хотел сообщить. И вот, найдя глазами Дениса, объявил:

– Фонвизин! Мы с Грицем в Москве. Вечером встретимся. Давай на старом месте, у церкви Георгия на Псковской горе, где твои именины отмечали. Придёшь? – быстро проговорил он.

Не скрывая радости, удивлённый Фонвизин закивал головой.

– Потом в «Казанку» заглянем, давно не были в австерии¹⁹. Всё, бегу, некогда: дома ещё не был. Вечером поговорим, – добавила голова и исчезла. С тем же протяжным скрипом дверь затворилась.

Сын отставного секретаря лейб-гвардии Преображенского полка, Яков Булгаков учился в университете вместе с Денисом и Потёмкиным. Помимо всего, друзья охочи были к словесным наукам, что ещё больше сближало их. Правда, Григорий больше тяготел к религиозному мышлению, но в литературных спорах между Яковым и Денисом участие принимал, и к мнению старшего по возрасту товарища оба неизменно прислушивались. Признавали авторитет Григория в литературе, как и во всём.

«Хм... «Казанка». Можно и перцовки с грибочками откусать. Интересно, а что я дома скажу? Не буду домой заходить. На ночь глядя отец уже никуда из дому не выпустит».

«Казанка» – старое название кабачка. Говорят, царь Пётр захаживал туда раньше, не брезговал хлопнуть анисовой или перцовки с мужиками. Кабак давно снесли, выстроили новые заведения, но название прилипло к этому месту.

Родитель Дениса, Иван Андреевич, был строгих правил. В доме Фонвизинных, где раньше изредка бывали Булгаков и Потёмкин, всегда царил патриархальная обстановка: лишнего там не позволяли, тем более не одобряли дружбу сына с Гришкой Потёмкиным. И уж после отчисления Григория из университета Иван Андреевич, тыкая пальцем в апрельскую газету «Московские ведомости» за 1760 год, где на видном месте красовалось сообщение об отчислении друга, не преминул высказаться:

– Ну вот, за леность и пропуски занятий твой друг исключен из университета.

При этом он многозначительно поднял указательный палец и добавил:

– А я вам что говорил?! Ничему хорошему Потёмкин вас, дураков, не научит. Видать, распустил Гришку его родственничек, хоть и был он президентом камер-коллегии.

– Отец, что вы такое говорите? Во-первых, его дядя умер, а во-вторых, Гриц в университете получил медаль за успеваемость и в числе лучших студентов ездил в Петербург для представления самой императрице. Государыня лично отметила познания Григория, особенно в религиозных вопросах. А что пропускал занятия, так это он убежал к священнику приходской церкви, тот ему книги разные давал читать. А учиться ему неинтересно было: он всё знал. Гришка кем только не хотел стать?! И митрополитом²⁰, и губернатором... И станет, он такой. Что надумает, исполнит. Вы, отец, не знаете Потёмкина, а ругаете...

– Да уж... можно подумать... митрополитом, губернатором... Эк куда загнул, – не сдавался Иван Андреевич, – а то я не вижу: баламут он и есть баламут. – И в назидание прикрикнул на сына: – А ты меньше шастай по улицам, дома сиди, ума набирайся.

– Жалко, что Гришку отчислили, – с сожалением пробормотал Денис.

К концу занятий ливень прекратился, мелкий морозящий дождик в расчёт уже не шёл, и улицы оживились.

¹⁹ Трактир, кабак.

²⁰ Духовное лицо, имеющее вторую по значимости степень священства (епископскую).

Фонвизин вышел из здания учебного заведения, вытянул вперёд руку, убедился, что дождь почти прошёл, с удовольствием вдохнул напоенный влагой воздух и, оглянувшись в направлении дороги, идущей к дому, решительно зашагал в сторону церкви Святого Георгия.

Народ, обычно неспешно бродивший вдоль улицы, теперь торопился разойтись по домам, с опаской поглядывая на небо. Тучи снова напозлали на город, медленно поглощая узкие ярко-голубые небесные просветы. Того гляди, опять хлынет дождь. Даже галок не видно над крышами... К дождю – явный признак. Среди спешащих прохожих Денис заметил знакомое лицо соседа и, прикрывая лицо руками, юркнул на Варварку.

Центральная часть улицы была вымощена камнем, но местами сохранялась старая укладка: брёвна, накрытые досками. Однако мутная жижа просачивалась сквозь щели, и грязь липла к ногам. Денису приходилось то и дело перепрыгивать через лужи, стараясь не провалиться: дорогу давно не чинили. Пока везло, ни разу не оступился.

Впереди себя Денис увидел телегу, доверху груженную дровами, переднее колесо которой съехало на обочину и провалилось по самую ось. Лошадь стояла спокойно. Она невозмутимо поглядывала на ездока, не проявляя ни малейшего беспокойства. Мужик бросал гневные взгляды на кобылу и выговаривал:

– Куды заехала, зараза? Надоть, как угораздило, – и, бросив вожжи, длинной палкой тыкал в лужу, вымеряя глубину.

Вокруг телеги стали собираться зеваки.

Варварка – улица небольшая, треть версты, не более, однако считалась самой роскошной и дорогой в Москве. По обеим её сторонам расположились добротные дома, торговые лавки и питейные заведения. Именно по ней в 1671 году стрельцы вели Стёпку Разина на казнь. Денис часто мысленно представлял себе эту картину.

...В окружении стрельцов бородатый разбойник с опущенной головой, гремя цепями, медленно бредёт по центру улицы. Толпы горожан с любопытством глазуют на антихриста, а дети ручонками показывают на бородача и кричат: «Он убивец, убивец!» В ушах Дениса всегда при этом слышались звон кандалов и шум разбушевавшейся толпы в ожидании главного действия – казни.

Фонвизин продолжил свой путь. Намокшие под дождиком букли парика издавали не совсем приятный запах. Камзол, а также остальная одежда уже не согревали, хотелось тепла.

Стряхнув с ермолки капли влаги, он поёжился. Уже смеркалось. Но вот показалась церковь, и Денис ускорил шаг.

Как всегда, возле храма на паперти расположились шеренги нищих. Место «прикормленное», раньше здесь стояла церковь Иоанна Богослова, но Господь не уберёт её – сгорела. Среди нищих ещё находились очевидцы того несчастья, коих немного было, но горемыки пользовались среди сотоварищей уважением. Денис многих знал в лицо.

Порывшись в кармане, он достал медную полушку. Обычно он подавал милостыню самым убогим: без ноги, руки, а, главное, не нахальным. Вот и сейчас, не обращая внимания на просьбы и причитания обездоленных, Фонвизин поспешно и целеустремленно шёл вдоль шеренги, направляясь к безногому старику, всегда молчаливо сидевшему в сторонке. Старик тоже заприметил Дениса и теперь покорно ожидал милостыни, что, однако, не мешало ему из-под засаленного треуха настороженно следить за движением благодетеля: не свернул бы в сторону... Денис уже было хотел положить ему денежку в узкую сухонькую ладонь, как шум впереди привлёк его внимание: там спорили двое нищих.

Один из них хриплым, простуженным голосом, размахивая культией, что-то яростно доказывал соседу:

– Разве можно на всех углах талдычить о любви к Рассеюшке? Крикун тот и пустобрех. Тот любит Родину, кто о родителях и дитятках своих малых печётся да заботится. А тот, кто, лишь ветерок дунул, как перекасти-поле с места срывается и катится следов не оставляя, – кому

он нужен такой? Где корни его? Скажи мне, Савелий, будешь ты до смерти биться, коль деток нет у тебя?

– Ну, это ты загнул, – запальчиво возразил ему сосед в оспинах и шрамах на лице. – Не кажин семью хочет заводить, чего нудить его к этому, да и Бог не каждому сие даёт. А ежель война аль ещё какая напасть и этот перекасти-поле тож грудью встанет на защиту, не сумлевайся Фёдор! И я тоже, как все, коль потреба будет.

– Да встать-то може и встанешь, да силы не те у тебя. Поди, Родина понятие важное, да больно огромно для разумения каждого. Рубя врага, не только о Родине думаешь, в глазах глазёнки дитёнка малого стоять должны, отца и матери немощных, и ты знаешь, – нет тебе назад дороги. И тогда будешь ты до последнего биться, басурмана рубить. Вот это и есть любовь к Родине, как я разумею.

Нищий, которого назвали Фёдором, было затих, но, видимо, что-то вспомнив, опять накинулся на соседа.

– Мы пруссака били?.. Били! Кровь проливали?.. Проливали! Берлин, Кольберг брали?.. Брали! Чуть бы ещё надавили, и енти пруссаки лапки подняли кверху. А государь наш, что? Взял и возвернул обратно всё Фридриху!

– Дык это... – испуганно оглядевшись, негромко ответил ему сосед. – А воевать стали меньше. Ты, Фёдор, недавно здесь, а, поди, на пропитание имеешь кажин день. А почему? Народ чуть-чуть, а сытней стал жить. Вот и нам перепадает. Дай Бог здоровья императору Петру!

Фёдор аж подпрыгнул от возмущения и здоровой рукой попытался дотянуться до соседа, не достал и плюнул ему в лицо. Нищие стали плевать друг в друга. Другие стали смеяться, тыча в споривших пальцами.

Наконец они успокоились. И Фёдор уже без злобы произнёс:

– Дурак ты, Савва. Как есть дурак. Я о Расее талдычу тебе, а ты о пропитании. Мы в Силезии вместе с австрияками войска прусские как снопы молотили... Если бы не наш генерал Бутурлин, давно бы напрочь разбили пруссака. Нерешительный генерал был, всё чего-то ждал, а надо было наступать. Я ить там и руку свою потерял. Смерть мне тады заглянула в лицо ещё утром, когда в разведку ходил и, подлая, заметила меня к обеду. Да, видно, мой ангел-хранитель поспел к тому взрыву-то вовремя, прикрыл меня, только руку и потерял.

Спрашивается, а за каким хреном? Разве матушка-государыня, царство ей небесное, позволила бы такое? А ентот немчура... отдал. Зачем ему про наши, русские, руки думать?.. – по его морщинистым щекам потекли слёзы.

Денис положил деньгу старику, достал ещё мелочь, прошёл вперёд и протянул монетки обоим калекам.

Питейное заведение, куда торопился Фонвизин, среди подобных мест слыло наиболее спокойным. Хотя такое понятие было весьма условным. В тёмное время суток поодиночке появляться и здесь было опасно: могли раздеть и ограбить. Поэтому Денис шёл осторожно, то и дело оглядываясь. Чего только не случалось в центре Москвы по ночам... Часто из темноты раздавались вопли: «Караул! Грабят!» Заспанные люди вскакивали с постелей, высывали головы из окон, сурово этак отзывались: «Идём!», но не шли, а, крестясь от страха, снова забивались под тёплые одеяла.

Или... из темноты выскакивали какие-то людишки, помогали загулявшим пьяницам подняться по ступенькам наверх к дороге и тут же исчезали. Только вот карманы гуляк после этого оказывались пустыми.

Пространство перед входной дверью избы-австерины тускло освещал масляный фонарь. Рядом прибита вывеска, где местный живописец нарисовал что-то подобие рака, обнимающего клешнями штоф зелёного цвета. Краска начала шелушиться, у рака обсыпалась одна клешня,

у штофа – дно, и теперь в темноте в свете блеклого фонаря однорукый краб выпученными глазами разглядывал горлышко бутылки.

Само заведение располагалось ниже основной дороги, и к нему вела дюжина бревенчатых ступенек. Слабый свет от фонаря да желтоватый свет из окон с коньками и петухами едва попадал на нижние ступеньки, и жаждущим промочить горло в тёмное время суток приходилось почти вслепую спускаться вниз.

Несмотря на то, что нижним чинам морского ведомства, солдатам, да и «людям подлым», равно как и женщинам, заходить в кабак было запрещено, питейное заведение пустовало редко. Впрочем, чинов морского ведомства в Москве было мало (это вам не Санкт-Петербург), и если они в нарушение указа и появлялись, то выборные²¹ отворачивались. Целовальники²², напротив, тут же набегали и напавали клиентов до одури; знали: этих можно обсчитать. Прохиндеи, конечно, и те, и другие. А как могло быть иначе при обслуживании пьяных?

Чтобы собирать кабацкие деньги для казны, с этими трудностями ещё царь Иван Грозный столкнулся: кому поручить сбор денег? Поставить боярина или дворянина – не пойдут: не по рангу.

«Не любит кабаки народ, – говорили они царю, – подлое это дело, государь». Царь тогда подумал и поручил надзор за кабаками желающим из простого люда. Народ сам пусть и выбирает, кого считает честным и верным, решил Иван Васильевич. С той поры народ и выбирал. Выборные давали присягу, целовали крест и собирали кабацкую прибыль на веру. Понятно, что на служение в кабаки шли не лучшие представители общества, а те, кому терять было нечего. Выборные и их помощники, прозванные целовальниками, считались людьми низкими и презренными, но денежки у них всегда водились.

Обо всём этом Денис давно знал. А «виноват» в этом Яшка Булгаков, который всегда охоч был до истории и заставлял своих друзей выслушивать небольшие лекции на разные исторические темы.

Фонвизин стал осторожно спускаться по скользким ступенькам. За избой слышался храп лошадей, несло мочой, раздавались пьяные выкрики.

В это время дверь в заведение распахнулась. Из открытого проёма на него повеяло теплом, тяжёлый кабацкий дух ударил в нос. Денис брезгливо поморщился. Однако его ноздри с ним не согласились: призывно затрепетали, заставляя ноги ускорить шаг. Денис хмыкнул.

Сильно качаясь, из заведения в это время выходили двое посетителей. Тот, что повыше, судя по одежде, обыкновенный подьячий из тех, которых зовут чернильными душами или приказными строками, не успел пригнуться и о косяк проёма сбил шапку со своей башки. Пытаясь рукой поймать её, он не удержал равновесие и навалился на второго. Оба рухнули, загородив вход в австрию. Среди их барахтанья слышалась брань.

Поняв, что помочь им не получится, Денис перешагнул через одного из них, при этом наступив ему на платье, и протиснулся внутрь.

Вонь от несвежих закусок, запах людского пота, перегар, затхлость плохо проветриваемого помещения, гарь от сгоревшего масла в плоских несколько озадачили преподавателя гимназии. Денис остановился, с любопытством разглядывая первый зал.

В углу кабака – лампы перед чёрными ликами, у стен – лавки, длинные столы. Крики, шум, ругань. Штофы с водкой на столах попеременно с лежащими рядом головами пьяных.

Кабак – место для простого народа, черни и прочих. Целыми днями и ночами посетители ведут здесь бесконечные разговоры «об жисти», то жалуясь на неё, то хвалясь перед собутыльниками. На короткое время они становятся героями в собственных глазах, а то, не стесняясь,

²¹ Старшие питейного заведения.

²² Помощники (официанты).

плачут навзрыд, а сердобольные, не менее разгорячённые вином сотоварищи их успокаивают, утешают.

Стащив с головы ермолку, под пристальным взглядом целовальника с пышными усами и чёрными бровями Денис прошёл мимо прилавка со штофами и горками красных раков и, лавируя меж столов, осторожно открыл дверь второго зала.

В этом зале было немногочленно. Свет от нещадно коптящих масляных плашек выхватил из полумрака отдельные лица посетителей. Негромкий разговор прерывался смехом и чавканьем. То тут, то там раздавался стук стеклянных штофов о поверхность столов: подвыпившие требовали добавки. Целовальники, что ястребы, тут же подлетали к ним.

Некоторые пьяные физиономии Денис узнал: видел их в апреле, когда отмечал своё семнадцатилетие.

В этом зале гуляли дьяки, подьяки²³, реже – кописты и церковная братия, благо церковью и приказов рядом было предостаточно. Правда, государевы слуги теперь важно называли себя канцеляристами и подканцеляристами, но замашки у них оставались прежние, подлые.

«Ничего не брать с просителя есть дело сверхъестественное. А закон?.. Что закон? Дышло: куда повернул, туда и вышло», – говаривало, хитро поглаживая бороду, это неистребимое сословие.

Решив в приказе какое-либо дело, они беззастенчиво брали мзду. Упрятав денежки в карман, милостиво затем соглашались на униженную просьбу мужика-просителя отметить енто дело и шли с ним на часик вниз, в кабачок. Часика никогда не хватало, и угощение затягивалось. В приказах собиралась очередь, но она не роптала, терпеливо ждала благодетеля. Так и повелось издревле на Руси: только проси, только проси...

Гулянье продолжалось. Уже мало соображая, мужик доставал из кармана последние копейки и требовал от целовальника для своего друга очередную чарку водки.

Назад оба поднимались с трудом. Ноги не держали служителя закона. Недавний проситель, а теперь, считай, уже друг канцеляриста, сам еле стоявший на ногах, всячески пытался поддерживать новоиспечённого друга, бормоча: «Ничего, паря, выберемся, ты не сумлевайся».

Гришку Денис увидел сразу. Не заметишь его, как же, красавца со всклокоченными волосами! Булгаков рядом с ним выглядел бледной тенью. В мундире из дорогого сукна виц-вахмистр Потёмкин сидел на скамье, эффектно положив руку на эфес шпаги. Под глазом у него виднелся здоровенный синяк. При виде друга Гриц величественно помахал Денису рукой, а Булгаков, напустив суровый вид, заявил:

– Что так долго? Садись. Гриц шампанского заказал. Пей пиво пока, – друзья обнялись.

Пиво, шампанское, опять пиво... Традицию своих встреч молодые люди не нарушали: тост за встречу, тост за здоровье и тост за университет. По телу разлилось блаженное тепло. Гриц, как обычно, пил мало, маленькими глотками и всякий раз фыркал и, словно жеребёнок, смешно мотал головой.

Друзья осмотрелись: те же посетители и тот же кабацкий шум, также коптят плашки, но ничего из этого теперь не раздражало, а даже умиляло. Разговор продолжился. Григорий грыз ногти, рассеянно выслушивал друзей, но мыслями был где-то далеко от них.

Обстоятельный рассказ Фонвизина о делах в гимназии его мало интересовал. Предстоящая поздняя встреча с очередной московской красавицей занимала его куда больше. «Она такая выдумщица в любовных делах...» – сладострастно размышлял он.

Голос Булгакова отвлек Потёмкина:

– Дениска наш толмачом²⁴, как и я, заделался. Статейки для журнала «Полезное увеселение» переводит. Переводы басен Гольберга печатает. Херасков²⁵ в нём и брате его младшем,

²³ Низший административный чин.

²⁴ Переводчик.

Павле, души не чаёт. Так ведь, Денис? Я отпросился в коллегии на несколько дней в отпуск, скоро в качестве переводчика в Вену еду, сопровождаю одного дипломата. Вот по возвращении в коллегии и поговорю кое с кем. Глядишь, и наш Дениска потребен будет: переводчики ой как нужны. Что скажешь, Гриц?

– Что скажу? А чего штаны протирать в учёбе? Делом надо заниматься, – оторвавшись от сладких воспоминаний, пробурчал Потёмкин.

– Давай, Григорий, расскажи лучше о себе. Почему не по церковной линии пошёл, как же твоя мечта стать митрополитом? Откуда кафтан из дорогого сукна? За что звание получил? Как здоровье матушки твоей, Дарьи Васильевны? Как поживают сёстры? Какие дела в Москве у вас с Яшкой? Судя по твоему синяку под глазом, они не очень успешные. Опять, наверное, к барышням приставал? – с ехидцей в голосе произнёс Фонвизин.

Потёмкин мотнул головой.

– Да что рассказывать? Вот не случилось как-то мне Господу нашему служить. Не зря же говорят: хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах. Так и у меня. Бога в душе надо иметь, други! Господь это заметит и зачтёт. Начну военную службу, а не получится, так стану командовать священниками или городом каким.

Кафтан дорогой, говоришь. Иметь дорогую одежду – это, други мои, не только почётнее, но и дешевле: реже приходится менять. Звание супруга императора, Екатерина Алексеевна, выхлопотала мне, помогала как-то ей. Матушка и сёстры живут в здравии. Мои дела?.. Барышни?.. Хорошо, что только синяком отделался. У нынешней красавицы моей братьев куча оказалась, – с тоской произнёс он и потрогал синяк. – Чуть не замордовали насмерть. Нож едва успел отбить да шпагой ткнуть одного из братьёв, тем и спасся.

Григорий оглядел притихших друзей. Яков и Денис испуганно разглядывали друга-гуляку.

– Не зря не пошёл ты по церковной части, Гриц! – не то с сожалением, не то с усмешкой произнёс Яков. – А иначе как же церковное целомудрие? А как же барышни? Блуд он в церкви не приветствуется. Зато теперича вона какой ты красавец в военном мундире. Я тебя, друже, в рясе уже и не представляю.?

– Что верно, то верно. Военным быть тоже почётно, – согласился Фонвизин.

И тут же добавил: – И что за город – Москва? Сколько хожу, ни одной незнакомой рожи. Звать многих не знаю как, но в лицо помню. Бандиты, и те знакомые! Тьфу... Где ты умудряешься шляться, Гриц, что тебе морду бьют?! Так недолго и башку напрочь потерять!

– Верно, Дениска! Кому суждено быть в один день дважды битым, тот будет в этот день дважды бит; так именно со мной и случилось. У меня вообще вчерашний день не задался. А началось всё с кружки кваса, которую второпях опрокинул на себя. Мокрое пятно расплылось на срамном месте. Потом конь подо мной у Кремля споткнулся. Народ тут же собрался. Хорошо, падая, не запутался в стремях и не сломал себе шею. Зато позору натерпелся... не приведи, Господи. Поднялся, отряхнулся, а забыл про пятно-то. Стою, как дурак, улыбаюсь: мол, упал, конь споткнулся, ничего страшного, с кем не бывает. Гляжу, девки хохочут и смущённо личики свои отворачивают, мужики головами укоризненно качают: мол, опозорился служивый. Тьфу... до сих пор противно. Ну а уж если день неудачный, то и вечер такой же. Подбил клинья к барышне, а её братья подлые в драку полезли. Ладно, моя шпага тоже без дела не осталась. Долго будут помнить меня. Вот такие мои дела. Давайте лучше выпьем, други.

– Ты, Гриц, не темни. Чего в Москву-то примчались с Яковым, не с девками же встречаться, их и в столице хватает. Аль и вправду, дела какие, – повторил вопрос Денис. – Яшку давеча не успел попытать.

²⁵ Издатель журнала «Московские ведомости».

– Чего его пытаться, он ничего пока и не знает; он родителей приехал повидать перед поездкой в Европу. Случайно в Москве встретились. Дела, говоришь, какие? Да такие... – многозначительно произнёс Потёмкин и огляделся по сторонам.

– Гриц, чего ты вертишься? Отменил государь тайную канцелярию. Говори смело, – Фонвизин гордо оглядел зал.

– Дела, други, большие предстоят. Знаете, поди, Москва спесивая, ревностно к новым порядкам относится. Вот и послали меня встретиться с графом и фельдмаршалом Бутурлиным, увидаться с нынешним губернатором Жеребцовым, поговорить с князем Черкасским. Надобно мне узнать их мнение о новом императоре и как будут вести себя войска, ежели мы в Петербурге посадим на трон его супругу, Екатерину Алексеевну.

– Ух ты! Переворот, что ли? И ты, Григорий, участвуешь в этом? Не боишься? А как затея провалится?

– Типун тебе на язык, Денис. Я для этого и приехал. Вхолостую промотался по всей Москве, устал: расстояния-то неблизкие. На месте ни одного, ни второго не оказалось. Где их черти носят? Завтра начну с Бутурлина. Пока не болтайте никому, тайную канцелярию одним указом не отменишь. Бутурлин сейчас здесь, в Москве, в своей усадьбе на Солянке. Получил назначение на пост московского генерал-губернатора вместо Жеребцова. Однако ехать к нему сегодня смысла не было. Да и как я мог пропустить встречу с вами, друзья?!

– Чем не угодил тебе наш император?

– Не угодил?! Начнём с того, Дениска, что я служу в лейб-гвардии конного полка, а командиром у нас двоюродный дядя государя принц Георг-Людвиг Голштинский. Принц ни бельмеса не понимает по-русски, а я по-немецки говорю, вот меня и назначили к нему ординарцем. Этот родственник государев ещё недавно служил Фридриху. Сами должны понимать, своего короля он в беде не оставит. А прусские настроения нашего императора всем известны. Государь влюблён в короля Пруссии. Оставляет Петруша всё нами завоёванное почти за семь лет. Получается, зря воевали? Дании войну хочет объявить, а на кой хрен она нам нужна? Этого что, мало? – произнёс Потёмкин.

– Я вот по пути сюда услышал, как нищие вели разговор по этому поводу. Людям обидно, – вставил свое слово Денис.

– Вот-вот, скоро и Россия окажется в подчинении Фридриха. И не случайно на русскую службу побежали многочисленные родственники из Голштинии. Мой нынешний начальник теперь первый член Государственного совета, генерал-фельдмаршал и командир российской лейб-гвардии с титулом высочества. Другой принц – Пётр Август Фридрих Гольштейн-Бекский, слышали о таком? Тоже сподобился милости родственника: стал фельдмаршалом, петербургским генерал-губернатором и командующим над всеми полевыми и гарнизонными войсками, расположенными в Петербурге, Ревеле, Эстляндии и Нарве. Каково, а?

Голос Григория дрожал от возмущения. Он сделал паузу, огляделся, затем продолжил:

– Вместе с Петром голштинцы ввели свои порядки. Прусская армейская амуниция, экзерциции. Муштра сплошная. Одно переодевание солдат чего стоит. Гвардейских гуляк приказано теперь отлавливать у кабаков и наказывать. Видано ли это? Гвардия недовольна. А ты, Дениска, удивляешься, чем же не угодил наш государь. Россию надо спасти!.. – патетически воскликнул Потёмкин. Сказал слишком громко, с соседних столов в их сторону повернули головы посетители. Друзья притихли.

– Слышал ли кто, на свет рождённый, чтоб торжествующий народ предался в руки побеждённых, о, стыд, о, странный оборот, – неожиданно продекламировал Булгаков.

– Херасков и тебе дал вирши Михайло Ломоносова? – удивился Денис.

– Здорово Михайло Васильевич сказал, лучше не скажешь. Прямо в точку, – изумлённо прошептал Григорий.

– Наш Пётр-то так и не поднялся до императора огромной державы: герцогом Голштинским и остался. Интересы его крохотной родины ему ближе, – оглядываясь по сторонам, тихо, почти шёпотом произнёс Булгаков.

– А вот Екатерина, наоборот, понимает, кто она и чьи интересы нужно отстаивать. Затем и послали меня в Москву – агитацию в пользу новой императрицы проводить. Екатерину на трон надо сажать, – решительно закончил Потёмкин.

Булгаков и Фонвизин притихли. Предстоящие события пугали. Они по-новому посмотрели на своего друга.

– Государственный переворот, Гриц, – дело опасное. Как всё повернётся... Кто знает? Страшно за тебя, Гришка.

– Знаю, Яков, знаю. Назад дороги у меня нет. Видели бы вы эту женщину, друзья. Синие глаза на фоне восхитительной белизны кожи, длинные ресницы и острый носик... Я с ней виделся, когда в Петербург государыня Елизавета Петровна нас, студентов университета, пригласила. Помните, поди. Стушевался я дюже тогда в разговоре с великой княгиней и сейчас стыдно. Но какая женщина!.. За Екатерину Алексеену и жизнь не жалко отдать, – неожиданно дрогнувшим голосом произнёс Григорий и замолчал.

Суровое выражение с его лица исчезло. Взгляд потеплел. Друзья удивлённо переглянулись. Перед ними сидел явно влюблённый человек. Но в кого?! В супругу императора?!

Незаметно для Григория Денис покрутил у виска пальцем. Булгаков в ответ пожал плечами, но не преминул подколоть Грица:

– А как же твоя первая любовь, игуменья Сусанна, а? Чай, раза в два постарше, опытная. Счастливый ходил, помнится. Нешто забыл про её келью?

– Думаю, Бутурлин не струсит, убедит остальных поддержать гвардию Петра I, – словно не слыша Якова, уже спокойным голосом произнёс Потёмкин. Немного помолчав, добавил: – Так вы со мной али как?

Друзья переглянулись и одновременно кивнули.

– С тобой, не сумлевайся, Гриц. Жизненный путь Бутурлина я знаю немного, по случаю пришлось изучить. Упрямый, но расчётливый. А как всё будет на месте, право, не знаю, – неуверенно произнёс Булгаков.

– Что наша жизнь, друзья?! – мечтательно продекламировал Фонвизин и добавил: – Всё тщета в подлунном мире, исключенья смертным нет, в лаврах, рубище, порфире, всем должно оставить свет. Что такое есть родиться? Что есть наше житие? Шаг ступить – не возвратиться в прежнее небытие.

– Ломоносов? – поинтересовался Потёмкин.

– Нет, Херасков, – ответил Фонвизин.

– Всё одно, не мешало бы нам с Денисом знать о фельдмаршале поподробнее. Башку, Гриц, каждому снесут, ежели что.

Григорий поведал друзьям о Бутурлине всё, что знал, не утаил и наставления Алексея Орлова относительно своего задания. Вслед за этим заговорщики рассчитались с целовальником и покинули австрию. Булгаков и Фонвизин немного покачивались. Потёмкин, с виду совершенно трезвый, поддерживал их обоих под локти и шёпотом настоятельно потребовал, чтобы они не чесали языком лишнего. Яков молча кивнул, Денис же произнёс:

– Могила, не сумлевайся, Гриц!

На землю прочно опустилась ночь. Несмотря на тревогу в душе, дышалось после дождя легко и свободно. Над самым горизонтом повис серп молодого месяца, друзья полезли в карманы за мелочью и, дурачась, стали её показывать месяцу... Есть такая примета: чтоб деньги водились.

На следующий день после встречи в австении ближе к полудню недалеко от бывших царских соляных складов (так называемой Солянки) в зелёной роще на холме остановился экипаж. Из него вышли трое друзей.

Перед ними раскинулась небольшая равнина, застроенная домами местных аристократов. Из всех окрестных строений высотой и ярким цветом обожжённого кирпича выделялась одна усадьба. Потёмкин уже знал, кому она принадлежала, – генерал-фельдмаршалу графу Александру Борисовичу Бутурлину.

С края усадьбы виднелось озеро, по берегам заросшее камышом. На нём неподалёку от берега резвились стаи гусей и уток, чьи гогот и крикание разносились по всей округе. Лениво поругивались между собой собаки. В зеленеющих кронах деревьев над головами друзей, перебивая голоса мелких птишек, горланило вороньё; в траве трещали кузнечики. Влажная после недавнего дождя земля парила, разнося вокруг запахи разнотравья. Сочная зелень густо растущей травы приятно радовала глаз. Красота...

Из кустов выбежал ёжик. Высунув мордочку, он испуганно взглянул на людей и тут же юркнул обратно. Яков и Денис бросились за ним.

Потёмкин задумчиво смотрел на раскинувшуюся перед ним панораму. После вчерашней встречи слегка кружилась голова.

«Зачем пил?..» – удручённо подумал он. Предстоящая встреча волновала. Внутри нарастала тревога. Словно ученик, Гриц мысленно вспоминал всё, что знал о Бутурлине, и повторял про себя подготовленную ранее вступительную речь.

Около двадцати лет назад, будучи главнокомандующим Московскими войсками, Бутурлин «в целях рекогносцировки» объездил и Москву, и все её окрестности. Так что место для своей усадьбы фельдмаршал выбрал удобное: рядом с Солянкой проходила дорога, идущая от Кремля в сторону столицы.

Хоромы свои граф выстроил основательно, из новомодного кирпича. Пожары были ему теперь почти не страшны.

В свои шестьдесят восемь граф пережил многих государей и государынь и почти всегда умудрялся вовремя подстроиться под нравы очередного правителя.

Екатерина I пожаловала ему – бывшему денщику и сыну денщика своего царственного супруга, звание гоф-юнкера²⁶. Императрица помнила, что отец этого красавчика был доверенным лицом, и не сомневалась в преданности сына. Она не ошиблась: Бутурлин-младший стал камер-юнкером²⁷, а затем был произведён в камергеры цесаревны Елизаветы. Болтали, правда, что молодой красавец в дальнейшем стал любовником цесаревны, но двор всегда был полон сплетен...

Во время короткого правления Пётра II ладную фигуру Бутурлина облегал уже мундир генерал-майора, а на груди красовался орден Святого Александра Невского.

Но затем вышла осечка: Бутурлин поссорился с князем Долгоруким, и влиятельный князь добился отправки обидчика в армию. Однако карьера графа не закончилась.

Новая императрица, Анна Леопольдовна, вспомнила об Александре Борисовиче и, призвав ко двору, вскоре назначила его генерал-кригскомиссаром²⁸ с присвоением звания генерал-лейтенанта. Ну а когда на престоле воссела Елизавета Петровна, то Бутурлин снова начал стремительно подниматься по служебной лестнице. Сначала стал московским главнокомандующим, а затем – главным правителем Малороссии²⁹. Позже, с началом войны со Швецией,

²⁶ Придворный чин XII класса.

²⁷ Придворный чин VI класса.

²⁸ Начальник по вопросам снабжения и денежного довольствия армии.

²⁹ Нынешняя Черниговская и Полтавская губернии, но в историческом смысле понятие Малороссии гораздо шире; включала в себя современный юго-западный край (губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую).

он принял командование русскими войсками в Эстляндии, Лифляндии и Великих Лугах. А в 1756 году Бутурлину было присвоено звание фельдмаршала.

И вот Пётр III отозвал фельдмаршала с поста главнокомандующего русской армией в Европе и направил его в Москву принять дела у Жеребцова и вступить в должность генерал-губернатора.

Всё это Потёмкин узнал от Орлова, который перед самым отъездом в Москву с опасным поручением понудил Григория внимательно изучить все важные события в жизни старого военачальника и царедворца.

– Знай, с кем говорить будешь. Это тебе не Жеребцов и даже не бывший губернатор князь Черкасский. С Бутурлиным надобно особое умение в разговоре иметь. Враз можешь под топор угодить. Обласкал фельдмаршала император, обласкал. А за что? За какие заслуги? А... не ведаешь?! Зато я ведаю. – Орлов замолчал. Зачерпнул ковшом воды из деревянного ведра и неторопливыми глотками осушил его. – Так вот... – продолжил он, – командуя войсками, в последние годы наш фельдмаршал вёл странные баталии супротив Фридриха: при самых победных раскладах как будто жалел его, не добивал. Командующий австрийскими войсками Лауден часто жаловался на Бутурлина императрице, но та уже болела сильно и в войну не вмешивалась. А граф, старый придворный лизоблюд, твёрдо знал, что наследник обожает Фридриха, вот и воевал с пруссаками спустя рукава. Как видишь, не прогадал – получил должность, и не малую. Учти всё это при разговоре с ним. И вот ещё что...

Орлов внимательно посмотрел на Потёмкина, всей пятернёй потёр затылок и тихим голосом произнёс:

– Екатерина Алексеевна хорошо отзывается о Бутурлине. Но если по своей привычке он так и будет ходить вокруг да около или вообще откажется нас поддерживать, уйди, – Орлов замолчал и выразительно указал пальцем на дверь за спиной у Григория, а затем ещё тише продолжил: – То сразу найди князя Петра Черкасского и вместе изыщите способ, как не позволить фельдмаршалу нам помешать. Князь на нашей стороне – немцев он сильно не любит.

Потёмкин вопрошающе взглянул на Орлова.

– Да. И не гляди на меня так. Москва не должна противиться свержению ни при каких обстоятельствах. Так что решение по фельдмаршалу примете с князем. Если другого выхода не будет, то... сам понимаешь, чай не в лапту играем.

– А когда сия акция планируется? – охрипшим от волнения шёпотом уточнил Григорий.

– В начале июля, если ничего не изменится. Императора в столице не будет, он лично возглавит армию для войны с Данией. Так что времени в обрез. Поспешай. Сладится всё, в Москве не сиди, дуй в столицу, здесь будешь нужен. И вот ещё что... Пару пистолетов прихвати, держи их наготове, когда к фельдмаршалу пойдёшь, не помешает. Вот, вахмистр, ты теперь всё знаешь. Учти, Потёмкин, Москва на твоей совести. Гляди, ежели что... Не посмотрим, что Екатерина за тебя поручилась, без башки враз окажешься.

Григорий поёжился. Слова с делом у братьев Орловых никогда не расходились... Это Потёмкин знал.

Алексей, третий из пяти братьев Орловых, сержант лейб-гвардии Преображенского полка, в отличие от своих шумных братьев, был человеком умным, энергичным и, что особенно важно, осторожным. Среди гвардейцев Алехан (так звали его товарищи) пользовался непререкаемым авторитетом. Именно Алексей Орлов, по разумению Григория, являлся одним из главных строителей будущего переворота. Вместе с братом Григорием и сплочённой группой единомышленников он держал нити заговора в своих руках. Природные обаяние и общительность Алексея не только располагали людей к полному доверию, но и подталкивали их поддерживать все его начинания.

– Во рту сухо, – голос Булгакова вернул Григория в реальность. – Не надо было шампанское с водкой мешать. Башка трещит.

А вот Денис не жаловался, наоборот, с умилением во взоре разглядывал местность и восхищался:

– Други, красота-то какая! Вот ведь недурно фельдмаршал устроился. Давай, Гриц, пешком пройдемся, ноги разомнём: трясёт твоя колымага, спасу нет.

– Пружины ослабли. Крёстный помер, глазу за всем нету, – Гриц бросил критический взгляд на раскисшую после дождя дорогу, затем осмотрел свой тёмно-зелёный двубортный мундир с короткими фалдами, любовно поправил пристёгнутый на правое плечо золотой аксельбант и, представив прилипшую к начищенным сапогам грязь, проворчал:

– Нет уж, лучше поедем.

Кучер хлестнул лошадей вожжами, и они медленно побрели в направлении усадьбы графа.

– Как договаривались, Архип. Пистолет держи под рукой, с кареты не слась, пока не дам знать. Во дворе разверни карету к выходу, – отчётливым шёпотом дал указание кучеру Потёмкин. Затем, взглянув на друзей, успокоил: – На всякий случай.

Карету, видимо, уже заметили: ворота тотчас отворились. Встретил друзей молодой мужик в сшитом на немецкий манер кафтане. Кафтан его был нараспашку, под ним виднелась свежая холщовая рубашка, в поршнях с чистыми шерстяными онучами. Мужик неприветливо, с подозрением оглядел незваных гостей.

– Как прикажете доложить, господа? – громко и недовольно спросил он. И веско добавил: – Граф никого не ждал нынче.

– Вот что, братец, судя по одежде, ты с фельдмаршалом пруссака воевал? – сказал Григорий.

Слуга важно кивнул и пожал плечами, ожидая, что скажет молодой барин дальше.

Успев рассудить, что ни фамилия Потёмкин, ни тем более его звание никак не впечатлят генерал-фельдмаршала, Григорий произнёс как можно строже:

– Передай, голубчик, графу: племянник президента камер-коллегии Кисловского, ныне покойного, Григорий Потёмкин видеть его желает. По делу...

Мужик, не выказав никаких чувств, снова пожал плечами и удалился.

По залу, куда привели гостей, то и дело пробегал кто-то из челяди, украдкой бросая на друзей любопытные взгляды. Было видно, что граф прибыл в дом недавно: многие вещи всё ещё стояли нераспакованными. Сесть было некуда, и гости вынуждены были стоять.

Хозяин заставлял себя долго ждать. Неприлично долго. Но друзья терпеливо ждали.

– Странно: ни адъютанта, ни ординарцев не видно. Генерал-губернатору, а тем более фельдмаршалу, они положены, – встревоженным шёпотом произнёс Потёмкин.

Время шло. Заранее приготовленная речь будто затуманилась в голове. Гриц уныло оглядел зал.

– Где этого старика черти носят? – вслух пробурчал он. – Денис, ты... – однако договорить Потёмкин не успел. За его спиной раздался насмешливый голос.

– Черти, говоришь... Хм... Да вот, принесли уже.

Друзья переглянулись. Откуда появился Бутурлин – загадка.

– С чем пожаловали, молодые люди? Что вдруг от старика, которого черти носят, нужно?

Фельдмаршал настороженно разглядывал гостей. Его крупная фигура была похожа на монументальный памятник. Так в первую секунду и показалось друзьям. И этот в домашнем халате монумент требовал ответа... Молодые люди растерялись.

– Что молчите? Аль забыли, зачем пожаловали?.. Прохор, ты пошто глухонемых в дом пускаешь, да ещё с битой рожей? – подозрительным взглядом рассматривая вахмистра, крикнул в открытую дверь граф.

– Дык, поди ж, сродственник президента камер-коллегии, как было не пустить? – запинаясь, ответил голос.

Первым справился с оторопью Булгаков:

– Ваше сиятельство, вахмистр и ординарец генерал фельдмаршала Георга-Людвига Голштинского, – Яков указал рукой в сторону друга, – Григорий Потёмкин прибыл к вам из Петербурга с поручением.

При упоминании имени родственника императора лицо Бутурлина смягчилось, взгляд немного потеплел.

Вперёд выступил Потёмкин. Григорий нарочно не стал обращаться к фельдмаршалу по этикету, а, положив левую руку на эфес шпаги, правую же – на пояс, выпалил:

– Граф, фельдмаршал Голштинский здесь ни при чём. Я прибыл по поручению гвардии его величества. Россия в опасности! Её надо спасти!

– Как князь Воротынский со товарищами у селения Молоди, веру нашу православную в 1572 году от татар крымских, – вспомнив недавний урок в гимназии, неожиданно для самого себя громко вставил Фонвизин.

Потёмкин вопросительно взглянул на друга.

– О как! Сражение с татарами под Москвой – факт известный. Опять спасти Россию? – удивлённо произнёс Бутурлин. – И от кого на этот раз, позвольте поинтересоваться...

– От пруссака на троне, – глядя на фельдмаршала и не меняя позы, с вызовом произнёс Потёмкин.

– Кого? – фельдмаршал на мгновение оторопел. – Это что, вахмистр, фельдмаршал Голштинский влепил тебе в глаз, а ты решил ему отомстить? И не мелочишься, как вижу. Государственный переворот содейть хочешь, императора престола лишить. Ну дела... – Граф помолчал, затем уверенно произнёс: – Я присягал императору Петру Федоровичу и изменять присяге не намерен. По закону, вас всех троих надобно арестовать и отдать под суд. Эх чего придумали... императора власти лишить... Прохор, давай сюда...

Не успел ещё граф договорить, как в зал ввалились четверо мужиков. Двое из них сжимали в руках ружья. Дело принимало серьёзный оборот. «Враз без башки окажешься», – словно бы вновь прозвучали в ушах Потёмкина слова Алехана.

Григорий выхватил пистолет и направил дуло на графа. Все замерли. Только старый фельдмаршал как будто даже не удивился. Выказывая полное спокойствие, он демонстративно сложил на груди руки, внешне выражая полное спокойствие.

Однако опытный в подобных делах вельможа мысленно анализировал ситуацию:

«Непростые это гонцы. Так прямо и открыто заявить мне, генерал-губернатору, слуге государеву, о перевороте?!.. Да ещё пистолетом угрожать?! Тут не только смелость нужна... Уж не провокация ли это? А если интрига, то чья? Жеребцова?.. Вряд ли. Он знает, почему дали отставку: около полутора тысяч дел до сих пор лежат в приказах нерешёнными. Должен быть доволен и тем, что остался вице-губернатором. Канцлера Воронцова?.. Тоже отпадает: в родстве по сыну находимся как-никак. Не в его интересах меня убирать: виды на меня имеет. О недовольстве в гвардии я слышал, да и канцлер об этом намекал. Хотя Михаил Илларионович, кажется, доволен императором: войну прекратил, а с ней и затраты. Вот только раньше большие люди, вершители судеб, и Остерман, и Миних, и даже Бирон, не позволяли послам чужих государей распоряжаться в России, как теперь это делают родственники императора. А этот прусский камергер, бывший адъютант Фридриха, Гольц? Кругом нос суёт и указания даёт, а император не перечит и Воронцову велит подчиняться. И датчанам не время войну объявлять из-за чёртова Шлезвига, все же знают причинность этого. Тут и до бунта недалеко, а если займётся, польхат будет, пока всё дотла не сгорит. Мы, русские, такие...

Решение не приходило. Пауза затягивалась. Бутурлин продолжал лихорадочно размышлять:

«И гвардия недовольна... Двадцать лет назад гренадёры вмиг Елизавету на трон посадили. История повторяется... Если так, то Москва тихо сидеть должна. А если всё это враньё

или переворот не удастся, тогда что? О, Господи... Голова кругом идёт. По-настоящему следовало бы с крыльца спустить нахалов да по этапу отписать. А вдруг повторится история... Поди, знай... Как быть? А этот нахал ведь пальнёт ещё».

Не менее лихорадочно размышлял и Потёмкин:

«Из башки всё вылетело. Не так разговор пошёл. Зря сразу о спасении России начал. Тут ещё Денис со своими татарами влез... Понять можно фельдмаршала. Ни с того ни с сего три увальня вдруг заявляют старику о государственном перевороте. Тьфу... Теперь и в самом деле может арестовать. Орлов предупреждал ведь: особый подход к графу нужен. А теперь... Так есть в усадьбе солдаты?..»

Внимательно следя за глазами и рукой вахмистра, Бутурлин сделал осторожный шаг назад. Его слуги стали переглядываться. Молчание затягивалось до неприличия.

Фонвизин не выдержал первым, шепнул на ухо Якову:

– Давай, Яшка, чеши языком, чему вас, дипломатов, там учат? Грица знаешь, укокошит старика... Всем конец.

– Ваше сиятельство! Я низайше прошу внимания одного из самых уважаемых людей, честно служившего и служащего России, – торжественно начал Булгаков.

Фельдмаршал отвёл взгляд от дула пистолета и настороженно посмотрел на Якова.

Денис незаметно ухмыльнулся: «Ну всё, понесло! На конька своего сел, только фанфар не хватает. Сейчас начнёт петь дифирамбы заслугам старика. А какой старик не оценит хвалебной речи в свой адрес? Вспомнит то, чего и не было. Давай, Яшка...»

Начинающий дипломат начал красочно перечислять многочисленные заслуги графа, всячески обходя неоднозначные подробности. Денис облегчённо вздохнул: «Это надолго...»

А Булгакова понесло дальше. И вот уже раздались громы пушек, крики «Ура!» Вот император Пётр II лично накидывает на плечи храброго вояки генеральский мундир и прикалывает очередной орден, вот прусские знамёна летят к ногам непобедимого генерала Бутурлина, а вот императрица Елизавета Петровна присваивает ему звание фельдмаршала и графский титул. И наконец фельдмаршал на белом коне торжественно въезжает в...

Тут Булгаков запнулся. Он не знал, куда мог бы въехать на белом коне не слишком удачливый в военном деле фельдмаршал Бутурлин. «То ли в Берлин, то ли в Москву, а может, в Петербург? Чёрт знает, куда могло занести его. Но в столицу... на белом... всё-таки вряд ли», – решил он.

– ...в белокаменную Москву, – Яков закончил фразу и, выдохнув, уточнил: – Я ничего не забыл, господин фельдмаршал?

Возле распахнутой двери из-за спин дворовых мужиков на происходящее с любопытством глазели слуги. Стояли тихо, ожидая, что же будет дальше.

В пылу словесных баталий и шумных награждений старого генерала в комнату тихо вошли супруга и старшая дочь графа. Теперь они так же, широко раскрыв глаза, смотрели на умолкшего Булгакова.

Рука Потёмкина затекла, и он опустил пистолет. Яков молчал. Заданный им вопрос ждал ответа. Дюжина пар глаз завороченно смотрела на оратора: все ждали продолжения. Старшая дочь, Варенька, девица двадцати лет, надув губки, капризно произнесла:

– А дальше? Папенька ещё на Кавказе воевал...

– Прохор, распорядись, чтобы стол накрыли на веранде, – неожиданно тихим голосом произнёс граф, – чаю с наливочкой попьём с гостями. А вы все пошли вон.

И, взяв графиню под руку, он учтиво махнул странным гостям рукой, приглашая следовать за ним.

Друзья облегчённо вздохнули, переглянулись и пожали плечами.

– Такое впечатление, что в этом доме угрожать хозяину пистолетом – дело привычное, – прошептал Фонвизин.

Потёмкин хмыкнул и поглубже засунул пистолет за пояс. Довольный своим выступлением, Булгаков не слышал Дениса, он усиленно пытался вспомнить хоть какие-нибудь подробности про службу графа на Кавказе, но так и не вспомнил.

Семья хозяина дома чинно направилась на веранду, беззаботно обсуждая пламенное выступление такого милого молодого человека. Гришка облегчённо вздохнул. Варенька украдкой поглядывала на Потёмкина.

За столом, крытым белой вязаной скатертью, расселись строго по старшинству. Во главе – уже успевший переодеться хозяин, графиня, Екатерина Борисовна, дочь старшая, дочь младшая, Екатерина.

Двенадцатилетняя Катюша, как её ласково называл отец, появилась минуты три назад и теперь, насупившись, сидела за столом. Как не расстроиться: пропустила такое представление... Отца она не слушала – неинтересно.

На счастье Якова, Александр Борисович сам стал рассказывать о своих подвигах на Кавказе. Однако рассказывал он нудно, нравоучительно. Не звучали в его голосе фанфары, не гремели пушки, не раздавались победные крики «Ура!» Рассказ вышел сухим, скучным, и вскоре, к удовольствию присутствующих, граф сменил тему разговора.

– Прохор передал мне, что ты, вахмистр, племянником Григорию Матвеевичу, царство ему небесное, приходишься.

– Да, граф. Дядя почил в бозе.

Две дородные служанки стали ставить на стол четырёхгранные бутылки с разными настойками, посуду, вазочки с вареньем, пироги и прочее. Запыхтел большой самовар. Наконец слуги удалились.

– Ах, как жалко, сына Петеньки нету, – с явным сожалением произнесла хозяйка дома Екатерина Борисовна.

Вторая жена Бутурлина, в девичестве – Куракина, в свои почти шестьдесят лет выглядела очень мило. Мягкая интонация речи и кроткий вид придавали внешности этой женщины, матери троих детей, чисто русский образ.

Григорий был наслышан о князьях Куракиных, имевших древнее истинно русское происхождение, но видел представительницу этой знатной фамилии впервые и сейчас с удовольствием разглядывал лицо графини.

– Он с женой Машенькой – в Испании на дипломатической службе, посланник государя нашего, – с явными нотками гордости за сына продолжила графиня.

Потом, словно что-то вспомнив, повернулась к мужу и воскликнула:

– Батюшка, похвались теперь своими домашними трудами. Какую настоечку предпочитаете, молодые люди? Александр Борисович сам лично следит за всем процессом приготовления. Никому не доверяет. Вот вишнёвая, вот тминная, вот черёмуховая...

– Папа любит шалфейную, – озорно вставила Катенька, – а мама, когда кашляет, – укропную настойку. А я пробовала, мне не понравилась. Горькая и противная... Брр...

Екатерина Борисовна посмотрела на дочь укоризненно. Отец, наоборот, ласково и рассмеялся.

– Выпьем, господа! Такого напитка, уверяю вас, сроду нигде не отведаете. Волконские и Нарышкины пытаются меня обскакать. Да где там!.. Катюшенька правду сказала: люблю шалфейную, а ещё и анисовую. Вот, вахмистр, хоть вы и пытались меня пристрелить, но анисовки испробуйте! Свеженькая... враз запоёте от удовольствия. Давайте, господа, выпьем за здоровье нашего...

Тут хозяин спохватился: «За здоровье императора как-то не с руки пить: гости переверот готовят и меня самого чуть было не пристрелили из-за него». И Бутурлин сделал вид, что поперхнулся. Солидно откашлявшись для полной достоверности, граф закончил речь словами:

– ...сына маво, Петра Александровича, и его семьи.

Все с удовольствием выпили. Пошли закуски. Много закусок и разных.

Старый генерал оживлённо знакомил гостей с методами приготовления различных сортов водки, её способах розлива и хранения.

– Жалко, не успеете пригубить моего нового напитка – желудёвой настойки. Ух... ажно глаза на лоб от неё лезут. Я её водичкой перед употреблением разбавляю, – его лицо немного покраснело, в глазах появился озорной блеск.

Графиня, промокнув губы салфеткой, встала и, поблагодарив гостей, вместе с дочерьми покинула мужскую компанию. Мужчины встали. Тосты продолжились. Потёмкин почти не пил. Запах анисовой настойки, которую пришлось пригубить, в конце отбил желание.

Хозяин предложил здравицу за женщин. Прохор стал разливать содержимое бутылок по рюмкам. Наливая Булгакову, старый солдат пролил настойку на скатерть. Александр Борисович укоризненно покачал головой, но не отругал слугу, промолчал.

– С ним случается... контузия, фронт, – пояснил он гостям. – Итак... за женщин, господа! А куда мы без них годимся? Верно ведь, молодые люди? Сама истина доказывает нам о пользе женского рода. Чай, не зря, сотворив всё нужное на Земле, Бог в последний день сотворил жену Адамову.

Друзья не успели ответить, как раздался ворчливый голос Прохора:

– Рак не рыба, а баба не человек; баба да бес – один в них вес. Вред от ентих баб один. Дай им вожжи в руки, враз запрягут. А того, дурья их башки, не понимают, что мужик – всему голова.

– Сам ты дурья голова, Прохор, – не удивляясь бестактности слуги, смеясь, воскликнул Александр Борисович. – Перед гостями меня позоришь темнотой своей. А рожать сам станешь? Аль попросишь кого?

Компания шумно выпила. Ворчливый слуга удалился, бубня что-то себе под нос.

Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление от высказывания слуги, разомлевший от выпитого хозяин решил сменить тему разговора:

– А всё-таки, господа, я вам скажу: настоечка, да перегнанная пару раз – напиток богов. А знаете ли вы, милостивые государи, историю сего напитка, водкой называемого? Нет... Вот расскажу, знать надобно бы вам. Нальём, господа.

Взяв в руки рюмку, он начал говорить:

– Водка, которую считают русским алкогольным напитком, – изобретение не нашенское – аравийское. В Европу сей напиток попал с острова Майорка ещё в тринадцатом веке, а уж к нам, в Россию-матушку, – только через двести лет. И тогда водку считали лекарством, «жизненной водой», и предписывали знахари принимать её каплями. Ею заживляли раны, лечили простуду и головные боли, применяли как наркоз.

Бутурлин широким жестом указал на Дениса, который, склонив голову, дремал с блаженной улыбкой на лице.

– Чем не пример, господа, лечебности напитка? Душа человека отдыхает, от ненужного отгораживается, сил набирается. Ну так вот, продолжим.

Секретом изготовления напитка когда-то владели гемуэзцы. После того как они заняли земли Таврии на юге России, тайна перестала быть тайной. Народ поначалу носом крутил: горькая, мол, противная. Однако ж потом напиток понравился, и умельцы не просто начали «курить хлебное вино», как раньше оно называлось, но и сделали его таким крепким, что дух захватывало и искры из глаз летели. А уж апосля третьей перегонки крепость водки составляла семьдесят градусов, а после четвертой – все восемьдесят. Я сие пробовал, знаю.

Затем народец стал настаивать продукт сей на пряностях, кореньях и травах. От крепости разводили водой, отсюда и название – «водка», ласкательное от слова «вода». А как государыня Екатерина сделала производство сего напитка привилегией дворян да еще освободила их от налогов, то тут уж каждый почёл за благо иметь свою марку водки. Я, грешный, тоже

занялся сим прибыльным делом. К питию хмельному, правда, церковь всяческие запреты православному человеку чинит, заботится о его благочестии и нравственности, да оно вона как получилось!..

Свободной рукой Бутурлин указал на штофы с настойками, стол с закусками и прикорнувшего Фонвизина. Перекрестился, выпил и, блаженно закрыв глаза, продолжил:

– Теперича и отцы святые не брезгают откушать сей напиток лечебный, пьют не ради пьянства окаянного, а токмо здоровья для. И вот что ещё хочу сказать...

Видя, что фельдмаршал сел на своего конька и это обещало затянуться надолго, Булгаков решил сменить тему и вернуться к предыдущему разговору.

– Бог с ней, с водкой, ваше сиятельство, – начал он. – Продолжим наш разговор.

Александр Борисович пожал плечами, мол, как хотите. «Всё торопится молодёжь...» – недовольно подумал он, но в знак согласия кивнул.

– За сии интересные сведения – спасибо! Однако вернёмся к нашему разговору. Отметим тот факт, господин фельдмаршал, что вы присягали малолетнему императору Ивану VI и его матери Анне Леопольдовне. А когда гренадёры в 1741 году их свергли, тут же присягнули Елизавете Петровне. А почему? Да потому, что иностранцы вроде Бирона руководили Россией. Вы, как русский человек, переживали за свою страну, вот и поддержали Елизавету, дочь Петра Первого. Так ведь, господин фельдмаршал?

– Не нам было решать, – недовольно буркнул граф. – Звать иностранцев – сие ещё царь Пётр решил. Да и нас они многому научили. А Анна Леопольдовна, промеж прочим, из Романовых была. А насчёт Бирона не спору.

– А как спорить? Военные и тогда были недовольны приказом Бирона выступить против шведов в Финляндию. Вот гренадёрская рота Преображенского полка и взбунтовалась: Елизавету на престол усадила, – уточнил Григорий.

– Эрнст Бирон, к слову сказать, верен был интересам России и не позволял себя увлечь подарками ни прусскому королю, ни другим иноземным государям. И то правда, не привечал своих соотечественников из Курляндии на государственных постах, как наш император Пётр III. Президенты большинства коллегий и сенаторы при Бироне русскими были, а что иностранцев сегодня в армии много... Говорил уже: Пётр I так решил. Другое дело, что Бирон невысокого мнения о нас, русских, был. Однако он этого и не скрывал. Боролся, как мог, с нашими разгильдяйством и мздоимством, но гуманными мерами, заметьте. Заметьте также, молодые люди, и ещё факт! Они, вельможи русские, и настояли на регентстве Бирона над малым царём. Князя Черкасский, Трубецкой, Куракин и прочие настояли. Факт известный.

– Вот видите, граф, – подхватил Яков. – А теперь наш государь заключил с Пруссией мир. Это хорошо. Но зачем он вернул Фридриху всё нами завоёванное? Пётр оскорбил Россию да ещё объявил войну Дании! Всё повторяется, как и двадцать лет назад, смею вам, граф, заметить. Император действует по указке прусских советников. Так чем он лучше Анны Леопольдовны и Бирона?

– Кругом командуют родственники императора, – продолжил захмелевший Булгаков. – Гвардия готова к решительным действиям, господин фельдмаршал.

– Ну в чём-то вы правы, конечно. Но позвольте мне всё-таки напомнить вам, господа мятежники, и о хороших делах нашего императора. Ведь именно наш император Пётр Третий позволил нам, дворянам, беспрепятственный выезд за границу. Ввёл гласный суд, чего не было до него. Ну про «тайную канцелярию» все знают. И ещё много чего...

– Указы были ранее подготовлены покойной императрицей, господин фельдмаршал, – парировал Булгаков. – Император лишь подписал и обнародовал их.

– Хм... может, и так, а может, и нет. Мог ведь и не подписывать. На это, господа, тоже надобно иметь решимость.

Друзья промолчали.

– Вот вы, молодые люди, сказывали, что государь оскорбил Россию. Мне больно повторять эти слова, но я их уже слышал.

Бутурлин неожиданно замолчал. Он раздумывал: а стоит ли так уж сразу выкладывать молодёжи государственные тайны? Достоверных сведений о неблагоприятном поступке императора нет, только слова английского дипломата... А вдруг дезинформация?.. Пауза затягивалась. Наконец он всё же решился:

– Не знаю, известно вам или нет, молодые люди, но наш император принял чин полковника прусской армии. Это ли не позор для России?! Перед отъездом из столицы я имел случай беседовать с одним джентльменом, английским дипломатом по фамилии Кейт, и вот он пророческие слова высказал...

Граф тяжело вздохнул, покачал головой и, словно стесняясь высказываний иностранца, тихим голосом произнёс:

– Ваш император, так сказал Кейт, приняв чин полковника прусской армии, начал своё царствование оскорблением своего народа и, вероятно, закончит его общим презрением к себе. Вот что предвидел иностранец... И я боюсь, что англичанин окажется прав. Больно, господа, больно.

За столом наступила тишина.

– А хотелось бы узнать, – вновь заговорил хозяин, – кого же гвардия желает видеть на троне, господа заговорщики.

– Супругу императора, Екатерину Алексеевну, – ответил Потёмкин. Фельдмаршал покачал головой, но вида неудовольствия не показал.

– Ваше сиятельство, решайтесь. Россия действительно в опасности, – неожиданно вступил в разговор очнувшийся Фонвизин.

Просьба Дениса требовала ответа от графа, друзья притихли. Денис медленно поднялся со стула, за ним встали Булгаков и Потёмкин. Граф вставать не стал.

– Мы, русские, меры не знаем ни в чём, всегда по краю пропасти ходим, а в самый низ, на самое дно никак не падаем. Как так у нас получается?... Ума не приложу. Любит Господь нас! Вот и этот император стал негож. Опять головы лететь будут, что супротив пойдут. Нам, русским, ненадобен хлеб, мы друг друга едим и сыты бываем.

Сиятельство вздохнул, окинул взглядом гостей, вздохнул ещё раз и обречённо произнёс:

– Что ж, Екатерину, говорите. Но и она не русская – немка. Чего же шило на мыло менять-то, а?.. И, мало того, прервётся наследственность Петра Алексеевича Романова. Надеюсь, это вы и сами разумеете.

– Супруга императора не такая. Екатерина Алексеевна понимает русский народ. А что немка... потому и приехали к вам, Александр Борисович, помощи просить, – смиренно молвил Григорий.

– Право, не знаю, как быть, господа. Знать московская будет возмущена, да и войска тоже. Сына императрицы, Павла, шибко здесь привечают. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Старый фельдмаршал задумался. Затем, видимо, поразмыслив, произнёс:

– И всё же зря государь завоёванное Россией вернул Фридриху, контрибуций не востребовал. Ей богу, зря! Ошибка это! Да какая ошибка! Прав, наверное, был Кейт.

Бутурлин поднялся, заложил руки за спину и стал расхаживать по веранде. Друзья продолжали стоять, не решаясь нарушить тишину. Наконец граф подошёл к столу. Тихо, чтобы слышали только присутствующие, произнёс:

– Заметьте, господа! Я не спрашиваю у вас имен главных заговорщиков, а значит, в любом случае их не выдам. Но очень надеюсь, они знают, что делают... И ещё! Позвольте уточнить, молодые люди. Хочу знать своё место при новой власти. Новая метла... сами понимаете!

Яков и Денис посмотрели на Григория.

– Говорить буду честно, граф. Сих инструкций я не получал, – ответил Потёмкин. Булгаков укоризненно покачал головой.

– Однако ж известно мне, что Екатерина Алексеевна не раз о вас добром поминала, – вовремя вспомнил Гриц слова Орлова.

– Хм... Что не стал посулами прельщать – ценю. Хорошо, пусть будет по-вашему. Пути Господни неисповедимы – всё в руках Божьих.

Молодые люди облегчённо вздохнули.

– Войска и жители Московской губернии должны поддержать новую императрицу, – на всякий случай уточнил Потёмкин. – Будет лучше, если вы, Александр Борисович, на всех дорогах к Москве заслоны поставите. В город до времени никого нельзя пускать, пока гонец лично от нас не придёт к вам с известиями.

– С какими только... – проворчал граф. – Заслоны... Не думаю, что можно долго держать всё в секрете... Ежели свергать власть, то быстро надобно. Ох, лихоманка на мою голову. Ну уж, как решил, так тому и быть. Давайте, господа, на посошок да прощаться будем. Выпили все, даже Потёмкин. Друзья молча, по-военному попрощались с хозяином и покинули усадьбу московского генерал-губернатора.

– Да поможет вам Бог! – вслед заговорщикам произнёс старый фельдмаршал и, закрыв глаза, перекрестился.

Рано утром следующего дня Григорий и Яков выехали из Москвы, держа путь в столицу.

Закрыв глаза, они некоторое время ехали молча. Под окрики ямщика³⁰, подгоняющего лошадей, и нудную дорожную тряску каждый думал о своём.

«Как всё обернётся?!.. В опасное дело ввязались. Ох, чует сердце, зря в Москву приехал. В Вену надо было ехать, а не выпрашивать отпуск. Да теперь что уже... Слово Грицу дали», – искоса поглядывая на друга, мысленно сокрушался Булгаков.

Потёмкин, хотя и старался казаться внешне спокойным, но, забывшись, покусывал ногти, из-за чего Яков догадался о его волнении. И Булгаков, прикрыв глаза, отвернулся.

«Ну и нервы у Яшки! Спит себе. Тут, глядишь, по приезде в столицу генерал Юшков, а то и сам Корф поджидает с кандалами... Какой тут сон? А, впрочем, поздно думать, всё равно назад дороги нет. Я вроде бы всё выполнил до срока, что Орлов указал. Бутурлин дал согласие. Москва на нашей стороне. Что ещё надо?..» – размышлял Григорий.

– Что надо?.. Поспешать, вот что надо, – с внезапной решимостью прошептал Потёмкин. И повторил: – Поспешать.

И виц-вахмистр, приоткрыв дверцу кареты, заорал на ямщика, чтобы гнал быстрее. От этого крика со своей лавки подскочил Яшка с перепуганным лицом.

– Матушка Лизавета-государыня, царство ей небесное, указ когда ишо издала, что поболее десяти вёрст в час ехать не можно! Бешеный какой-то, – огрызнулся ямщик, но, несмотря на дурную дорогу, стеганул коней что есть мочи, и те, заржав от несправедливости, помчались, обгоняя ветер.

А мимо проносились селения, церквушки на пригорках, покосившиеся избы, угрюмые подворья... Перепуганные куры с кудахтаньем разбегались перед экипажем.

Примостившись у окна, Яков снова задремал. Глядя на друга, Потёмкин зевнул, потянулся, встряхнул головой. Открыл дорожную сумку, нехотя достал книжку, переданную Денисом, – «Путешествие сэра Джерома Горсея» 1626 года издания.

– На вот, Гриц, почитай, – напутствовал его перед отъездом Фонвизин. – А то пятьсот вёрст в дороге. Всё одно делать неча. Но смотри не потеряй да не забудь вернуть потом.

– Как же, вернёт обязательно, коль башка на месте будет, – хмуро вставил Яков.

³⁰ Кучер на государственной службе.

– Типун тебе на язык, – снова прошептал Гриц. Открыл книгу, полистал, опять зевнул, но читать начал.

В записках англичанина Григорий вскоре обнаружил массу неточностей.

– Нет, ты глянть, Яшка! – возбуждённо произнёс Потёмкин, – что этот Горсей пишет: «Опричники царя Ивана Грозного в 1570 году убили в Новгороде около семисот тысяч жителей». Откуда?.. Жителей там в то время всего-то тысяч тридцать от силы было, точно знаю.

Булгаков зевнул и нехотя открыл глаза.

– Да врут они все, а уж англичане в первую очередь, Гриц. Одни врут нарочно, дабы возвести поклёп на нас, русских, другие от лени, без умысла, но итог тот же. В посольских приказах этого Джерома Горсея звали Еремеем, для конспирации, видимо. Царю Ивану Грозному подсобил этот Горсей: оружие и припасы для Ливонской войны на тринадцати кораблях из Англии благополучно допёр. Себя, конечно, не забыл – прикарманил, как видно, не по чину много. Скандал... И конфузы часто случались у него с аглицкими купцами. Царь, однако ж, прощал этому хлышу провинности, помнил услугу.

Вот намердны архивы в канцелярии ведомства моего разбирали, как раз за те годы. И что ты думаешь, Гриц? На совести нашего кровожадного царя Ивана за все годы его царствования не насчитали мы и четырёх тысяч казнённых!.. Каково? А если учесть, что многие из них честно себе заслужили казнь изменами, клятвопреступлениями и ещё много чем, то получается, что напрасно убиенных – ещё меньше.

– Так это только по вашему ведомству, а по другим, поди, тоже записи имеются, – засомневался Потёмкин.

Карета внезапно остановилась. Друзья выглянули наружу. Их экипаж стоял на окраине небольшой деревеньки. Чернели покосившиеся избы, изгороди завалились набок, подле амбаров куры выискивали зёрна. Две бабы, копавшиеся в огороде возле одной из лачуг, заткнув за пояс полы юбок, внимательно глядели в их сторону.

Дорогу переходило стадо коров. Прямо перед копытами коней улеглась огромная рыжая собака. Псина уставилась на непрошенных гостей и уступать дорогу явно не торопилась. Пастух, рыжий мальчонка с облупленным носом, застыл на обочине, сжимая кнутовище, и с раскрытым ртом разглядывал остановившийся экипаж.

– А ну, псина, брысь отседова, – раздался голос кучера. Он с опаской обернулся, ожидая очередных проклятий «бешеного» седока, и развёл руками. – Тварь... она ить безмозглая. Надоть ждать, – пробормотал он на всякий случай.

Стадо, не торопясь, продолжало двигаться. Наконец последняя корова покинула тракт. Собака встала, презрительно гавкнула и медленно, с достоинством затрусила вслед за коровами.

– Тьфу... туды же, – с гонором, – без злобы произнёс кучер и тронул вожжами.

Оживившийся пастушонок вприпрыжку побежал за стадом. Карета затарахтела по дороге. Потянулись поля.

– Так вот, Гриц! – продолжил Булгаков. – Иноземцы пишут: наш царь Иван был кровожадный деспот... Да Иоанн Васильевич по сравнению с тогдашней Европой невинным младенцем был. В те же самые годы в Париже с благословения Римского Папы Григория Тринадцатого за одну только Варфоломеевскую ночь вырезали около трёх тысяч гугенотов, а по всему королевству за две недели истребили более тридцати тысяч человек. И по этому случаю сам Папа вознёс в Риме благодарственную молитву. Пусть, мол, знают еретики своё место. Этот Папа и на Московское царство пытался распространить свою веру. Да не вышло у него, слава Всевышнему. А в Англии что творилось?!.. Тысячами вешали и резали... Молчу уж за другие страны. А Богу-то одному молятся, Он у всех один.

– Я давно заметил, Яшка, что никто не отвергает Бога, кроме тех, кому не нужно, чтобы Он существовал.

– Или временно отсутствовал, пока дела грязные вершатся, – вставил Булгаков.

– Нельзя без Бога жить: все приходят к нему, кто раньше, кто позже, – Гриц перекрестился. – Да и у нас тоже смертей хватало, гибли и в распрях меж собой, и по прихотям царским, и в войнах с соседями, – добавил Григорий. Немного подумав, пробурчал: – С кем только не приходится воевать, просторы русские, поди, всем нужны.

Булгаков согласно кивнул.

– А сами завоюем и... отдаём. Пётр, будь он не ладен, – со злостью в голосе продолжил Потёмкин. – А что пишут о нас небылицы, сами виноваты. Не хуже Европы грамоте обучены, дак нет же... всё недосуг писать о себе хорошее, всё слушаем иноземцев, а про себя ёрничаем. – Гриц сплюнул от досады.

Разговор затих. Вытянув ноги, Потёмкин произнёс:

– Что мы, Яшка, всё о смертях да о смертях? Так и беду накликаешь недолго. Самим в посмертные списки твоей коллегии не попасть бы, – закончил разговор Григорий.

Булгаков не ответил и вскоре заснул. Он тихо похрапывал, смешно шевелил во сне губами, и голова его кивала в такт неровностям дороги. Потёмкин ухмыльнулся:

– Не спи, Яшка! Скоро смена лошадей: разомнёмся и перекусим.

Булгаков потёр рукой глаза и, озираясь по сторонам, совсем тихо произнёс:

– Перекусить – это хорошо. Только боязно мне, Гриц! Как бы Бутурлин весточку тайную императору не отправил. Немалый мешок с почтой погрузили.

– Не должён, друже. Слово крепкое граф дал, не выдаст, поди.

Но в голосе Григория Яков не услышал прежней твёрдости и тяжело вздохнул. Appetit пропал. К тому же за окном вдоль дороги потянулись густые заросли камыша. Гнилостный запах болота заставил Потёмкина прикрыть нос рукой и с негодованием фыркнуть:

– Ну и вонь! Лошади, и те морды воротят.

Однако впереди уже показались строения, экипаж подъезжал к очередному почтовому двору – «яме».

Вечер 27 июня 1762 года друзья встретили на постоялом дворе неподалеку от Санкт-Петербурга.

«Чёрный кабинет»

27 июня 1762 года. Санкт-Петербург.

Обрамлённый портиком и монументальными колоннами, двухэтажный каменный дом князя Куракина выделялся из всех строений на улице Галерной своей помпезностью. Несколько лет назад здание передали в казну, и здесь разместили Коллегию иностранных дел. Дом в связи с этим перестроили: флигели теперь были отданы под жильё чиновникам этой самой коллегии.

На первом этаже в самом дальнем углу дома располагалась небольшая комната, которую чиновники коллегии называли «чёрным кабинетом»: вход туда большинству из них был строго-настрога запрещён.

Из мебели в этой комнате стояли только стол, стул и возле самого окна – кресло. Также имелись бронзовый колокольчик, того же металла подсвечник на четыре свечи, набор гусиных перьев да пузырьёк с чернилами; вот, пожалуй, и всё казённое имущество, записанное за этим странным и в отсутствие хозяина всегда запертым на замок кабинетом. Хотя нет... На столе стояла небольшая керосиновая (это 18 век не 19) плошка: поздними вечерами, а порой и ночами она освещала путь своему хозяину, бредущему по тёмным коридорам здания.

Раннее утро. Здание пусто. Но вот скрип открываемых ворот нарушил утреннюю тишину. В здание шаркающей походкой вошёл преклонного возраста небольшого роста человек в чёрной треуголке, того же цвета камзоле с белым воротничком на худой морщинистой шее. Дежурный служащий почтительно поздоровался с вошедшим, затем, позёывая, лениво отчитал привратника за скрип ворот:

– А как пожалуется кто на этот противный звук? Уволят тебя, дурень!

Привратник с той же ленивой истомой в голосе пообещал смазать проклятые петли. На этом и разошлись. И опять тишина.

Перед усевшимся за стол стариком лежало несколько вскрытых писем с аккуратно отклеенными сургучными печатями. Он задумчиво смотрел на корреспонденцию, решая, с какого письма сегодня приступит к работе.

Вдруг на одно из писем упал солнечный лучик. Старик усмехнулся и осторожно приподнял именно этот конверт. Дабы не замараться, Христиан Гольдбах³¹ (именно так звали старика) отодвинул подальше закопчённую плошку. Затем вытащил из кармана камзола очки с большими круглыми стёклами в железной оправе и не спеша водрузил их на нос. Его лицо при этом приняло строгое благоговейное выражение.

Старик прочитал адрес получателя и, как гурман за праздничным столом, уставленным яствами, от предстоявшего удовольствия потёр сухонькие ладошки.

– Хм... Обычное, кажется, письмо: адресовано в Потсдам некоему Иоганну Шмитке. Вот номер дома, улица... Ничего необычного... Странно. Но ведь зачем-то мне его передал почт-директор столицы? А Фридрих фон Аш, то бишь Фёдор Иванович, делает это не часто. Да ещё чуть свет поднял меня нарочным с постели, – проворчал он.

Гольдбах снова осмотрел конверт, обратив особое внимание на края и на оттиск печати: не повредились ли от пара при вскрытии? Затем по давней привычке приблизил письмо к носу, понюхал и с той же осторожностью вытащил вдвое сложенный лист. Внутри этого листа оказался ещё один – меньшего размера и весь исписанный мелким убористым почерком. Гольдбах хмыкнул. С первого взгляда стало ясно: текст зашифрован. Хозяин кабинета удовлетворённо шепнул:

– Вот и славненько. Вот и я опять государю сгожусь.

³¹ Профессор математики.

Семидесятидвухлетний профессор математики Гольдбах, бывший домашний учитель нынешнего императора Петра III, оказался в России тридцать семь лет назад. Двадцать из них он прослужил шифровальщиком в Коллегии иностранных дел. Позвал его на эту работу Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, сам бывший тогда почт-директором. Любил будущий канцлер вскрывать дипломатическую почту, перлюстрировать нужные письма, читать зашифрованные донесения иностранных дипломатов... Ох как любил. И приказывал подчинённым всё делать в двух экземплярах. Для чего?.. Понятно.

«А началось всё, дай Бог памяти, – Гольдбах вздохнул, – с 1745 (1744) года. Той ночью Бестужев лично поднял меня с постели и велел к утру расшифровать потаённое письмо придворного лейб-медика императрицы Елизаветы, Лестока, к французскому послу. Письмо нетрудное было, расшифровал быстро. А потом арестовали того Лестока...»

Гольдбах покачал головой. Читать чужие письма – дело неблагодарное, можно сказать, аморальное, но старый профессор всегда оправдывал себя: «Все государства так делают. Чем Россия хуже? Тем более что письма я не вскрываю, а только дешифрую». На этом привычные терзания старика заканчивались, и он приступал к работе.

Гольдбах пробежал глазами текст основного письма. Обычная переписка хорошо знакомых между собой немцев с пожеланиями здоровья и прочее. Ничего интересного. Написано весьма неряшливо, да ещё бумага с какими-то сальными пятнами по краям. Старик брезгливо отложил этот лист в сторону. Поправив очки, он с благоговением приступил к дешифровке второго послания неизвестному Шмитке.

Сквозь окно доносился уличный шум. По улице шли несколько десятков людей, что-то выкрикивая в адрес императора. Что именно, старик не разобрал, но снаружи творилось что-то необычное.

Гольдбах не обращал на шум внимания: дешифровка шла с трудом, и это ещё больше увлекало старого математика. Так прошёл день. Стало душно. Гольдбах достал из кармашка сюртука часы. Маленьким ключиком, который он носил на цепочке, завёл механизм. Ощувив в ладонях приятный холодок серебряного корпуса, с сожалением вернул часы на место. Кряхтя, встал со стула и шаркающей походкой подошёл к окну.

Деревянная рама поддалась с трудом: ворвавшийся внутрь ветер тут же смахнул со стола исписанные листы с расшифрованным текстом. Возмущённо бормоча, старый профессор опустился на колени и, преодолевая боль в суставах, стал ползать по полу, собирая свой дневной труд. Наконец последний листок оказался у него в руках. Растирая рукой поясницу, Гольдбах по-стариковски медленно поднялся и с облегчением упал в кресло. Сердце напомнило старику о себе, вызвав старческую одышку.

Профессор закрыл глаза. Приятный невский ветерок вскоре восстановил дыхание, и сердце успокоилось. Гольдбах опять сел за стол, переписал начисто текст донесения и позволил в колокольчик.

– Канцлер Воронцов Михаил Илларионович в столице? У меня важная новость для него, – уставшим голосом спросил он вошедшего дежурного.

– Никак нет, господин Гольдбах, Михаил Илларионович изволит с государем в Ораниенбауме быть, но завтра к вечеру они прибудут в столицу праздновать именины государя.

– Хм... Думаю, не след ждать его. Вот что! Вы, Оскар Францевич, приготовьте мне коляску. Поеду к генерал-полицмейстеру Корфу.

– Генерал-полицмейстеру Корфу? – удивлённо уточнил дежурный. – Господин Корф уже с марта как главный директор над всеми полициями России, господин Гольдбах. Теперь его должность исполняет бывший президент Камер-коллегии, тайный советник генерал Юшков Иван Иванович. Может, курьера пошлём, господин Гольдбах?

– Вот как!

Профессор встал. Ещё раз бегло просмотрел черновики расшифрованного донесения, затем взглянул на открытое окно и, помятуя о ветре, поставил на них тяжёлый канделябр.

– Нет, с донесением мне самому надо ехать. Навещу Николая Андреевича по старой памяти.

Едва коляска с Гольдбахом скрылась за ближайшим поворотом, как, тихо щёлкнув замком, дверь «чёрного кабинета» отворилась. В кабинет бесшумной и крадущейся походкой вошёл всё тот же дежурный, Оскар Францевич. Приподняв канделябр, он взял черновики расшифрованного донесения и стал читать.

– Капитан Пассек арестован?! Заговор... Ну и ну... – удивлённо прошептал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.